

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ ДОНСКОЙ

**РУССКИЙ
ХАРАКТЕР**

Сергей Георгиевич Донской

Русский характер

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281472
Русский характер: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22671-9

Аннотация

Оборотистый делец Карл Шарко раздобыл пятьсот килограммов алмазов на якутских приисках и переправил все за пределы России, чтобы там нанять ювелиров – тогда ценность алмазов подскочит в сотни раз. Но не знал он, что в это время перед ФСБ поставили задачу вернуть ценности государству. И два спецназовца – Олег Белан и Иван Долото, уже отправились в гости к Шарко, чтобы изъять драгоценности. А в помощь взяли с собой девушку Таню, чтобы она в качестве массажистки вошла к жулику в доверие. Но делец оказался не так прост и приготовил взрывное устройство. Одно нажатие на кнопку пульта, и контейнер с алмазами взлетает на воздух...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	9
3	13
4	17
Глава 2	20
1	20
2	25
3	29
4	34
5	37
6	41
Глава 3	44
1	44
2	47
3	53
4	56
5	62
Глава 4	68
1	68
2	71
3	78
4	83

5	87
6	90
7	94
Глава 5	99
1	99
2	103
3	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Донской

Русский характер

Глава 1

Торг платежом красен

1

Восточная оконечность Крымского полуострова, пышущая жаром, шипела, омываемая морскими волнами. По другую сторону Керченского пролива точно так же накалялась на солнце Тамань, но это была совсем другая земля, русская, а значит, чужая.

Теперь чужая, отметил про себя человек, подъехавший к офису керченской фирмы «Бриз».

Фирма занималась недвижимостью, являлась откровенно посреднической и была далека от процветания. Один телефон, два персональных компьютера, три штатных сотрудника, десяток постоянно сменяющихся агентов – вот и все ресурсы: материально-технические и людские. Чем богаты, тем и рады, говорят в подобных случаях, однако директор был далек от радостного или хотя бы просто благодушного на-

строения.

Губы у него были бледные, глаза – тусклые, волосы – редкие, а довершала непривлекательный образ не слишком благозвучная фамилия Багнюк.

Он как раз вдумчиво штудировал книгу «1001 способ сделать свой бизнес успешным» когда в гулком коридоре раздались шаги приближающегося человека. Багнюк молниеносно убрал книгу со стола, отставил чашку с остатками кофе, погасил сигарету и весь подобрался. Кажется, пришло время совместить теорию с практикой.

В кабинет вошел незнакомый мужчина лет пятидесяти, от которого за версту несло дорогим одеколоном, которым он щедро окропился по случаю несусветной жары, чтобы перебить, по-видимому, запах тела. Одет он был не вполне курортному: светлый строгий костюм, застегнутая на все пуговицы рубаша, кожаные туфли. Если не считать ушей, глаз и загорелой лысины, то голова и шея вошедшего были покрыты плотным волосяным покровом, местами выбритым до синевы, местами жестким и курчавым, черным, с редкими проблесками седины. Пружинились волосы также из-под воротника, непокорно торчали из манжет, топорщились на пальцах.

– Шарко Карл Маркович, – представился мужчина, после чего, не тратя времени на расшаркивания, по-хозяйски опустился в кресло напротив Багнюка.

Тому пришлось слегка привстать, чтобы поприветство-

вать посетителя рукопожатием через стол. Ладонь у Шарко оказалась безволосая, липкая на ощупь. Не стоит ему расхаживать по такой жаре в костюме, пусть даже летнем, подумал Багнюк.

– Очень приятно, – сказал он, поддевая ногтем выложенную перед ним визитку. – Я Виктор Павлович Багнюк. С ударением на первом слоге.

– Павлóвич? – удивился Шарко, переиначивая отчество на сербский лад.

– Имеется в виду фамилия, – натянуто улыбнулся Багнюк.

– Та-ак. А с именем у нас что? Ударение на первом слоге или на втором, как у Гюго?

Шарко с ироничным видом шевельнул угольными бровями. Багнюк разобиделся и моментально позабыл все 23 способа расположить к себе собеседника, усвоенные с утра.

– С Гюго в родстве не состою, – сухо произнес он. – Вы насчет аренды жилплощади? Вам в центре или поближе к морю?

Шарко поморщился:

– При чем тут море?

– Тогда, – сказал Багнюк, – есть приличные квартирки возле автовокзала. Или возле рынка.

«Что, впрочем, одно и то же», – добавил он мысленно.

– Я не нищий, чтобы ютиться в ваших клоповниках, – отрезал Шарко.

Это было заметно невооруженным взглядом. Одни только

его часы стоили дороже всего офисного оборудования фирмы. Сознать это было неприятно. С другой стороны, вступление казалось обнадеживающим.

— Есть конкретные пожелания? — осведомился Багнюк.

— Мне нужен дом, — ответил Шарко. — Большой, отдельно стоящий дом, и чтобы никого рядом. Ни соседей, ни отдыхающих.

Вот так сюрприз! На ловца и зверь бежит. Сердце Багнюка учащенно забилося. Наконец-то нашелся купец на его товар. Вот уже два года он безуспешно пытался сбавить особняк, переписанный на него младшим братом, осужденным за разбой на больших крымских дорогах. Тот, в свою очередь, отобрал недвижимость у кого-то за долги, а может, и просто так, по дурасти.

Дом торчал посреди безлюдной равнины между гнилым озером Камыш-Бурун и крохотным поселком Героевское. Море далеко, трасса еще дальше, проселочная дорога состоит из одних булыжников и ухабов. Электричество, правда, подведено, но водопровода нет, а так называемые удобства во дворе, что уже и не удобства вовсе, а сплошной дискомфорт. В подобных условиях только дикарям жить. Ни один нормальный коммерсант, депутат или прокурорский работник не пожелали обосноваться в такой глуши. И вдруг — этот залетный жук, этот мохнатый шмель Шарко. А что, если удастся его охмурить?

– Есть у меня на примете один особнячок, – забросил удочку Багнюк, старательно жмурясь, чтобы не выдать себя алчным блеском в глазах. – До шоссе рукой подать, вокруг живописные курганы, из окон второго этажа открывается великолепный вид на море...

«До которого два километра с гаком», – уточнил он про себя.

– Да что вы привязались ко мне с этим своим морем, – раздраженно произнес Шарко. – Я, знаете ли, не какой-нибудь там Айвазовский. И я покупаю дом, а не виды из окна.

Покупаю, он сказал: покупаю!

Сердце Багнюка было готово выпрыгнуть из груди, адамово яблоко разбухло и, казалось, едва уместалось в гортани.

– Понимаю, – просипел он.

– Сколько туда езды? – деловито спросил Шарко.

Фортуна начала поворачиваться к Багнюку спиной. Сказать правду? Но кому захочется селиться в двадцати километрах от города, где ни магазинов, ни кафе, ни автозаправок?

– Это смотря какой езды, – выдавил из себя Багнюк. – Вы как, с ветерком любите?

– С триперком, – грубо ответил Шарко. – Так сколько?

– Если по времени, то...

– В километрах.

– Ну, – Багнюк кашлянул в кулак, – километров тринадцать-пятнадцать набегает. Как когда.

– Не понял, – нахмурился Шарко. – Там дорога резиновая, что ли? То растягивается, то сжимается?

Дорога, ведущая к дому, была каменистая и пыльная. Снизу по днищу булыжники барабанят, а сверху корпус пылью в палец толщиной покрывается: не намоешься. Багнюк пару раз в свои владения наведалься и охладел к ним. В доме ни мебели приличной, ни телевизора, ни холодильника. Весь дизайн – грошовые плакаты с девками да чугунные решетки на окнах. Поверх дубового паркета настелены такие убогие ковры, что приличному человеку о них и ноги-то вытирать неловко. Грязь, запустение, строительный мусор.

«Подвел ты меня, брат, ох как подвел», – подумал Багнюк, а вслух произнес:

– Буду с вами предельно откровенным, Карл Маркович.

– Неужели? – Лицо Шарко приняло непроницаемое выражение, которому позавидовал бы сам Будда.

– Я никогда не хитрю с клиентами, не пытаюсь их обжужлить, – продолжал Багнюк, пропустив саркастическую реплику мимо ушей. – Мой принцип: честность и еще раз честность...

– И еще раз честность.

– Что вы сказали?

– Бог троицу любит, – пояснил Шарко, неопределенно

усмехаясь.

Сбившийся с мысли Багнюк ожесточенно потер переносицу.

– Так вот, – заговорил он, поминутно покашливая. – Дом – что надо, не дом, а конфетка. Но несколько, гм, удален от цивилизации. Путь туда, прямо скажем, не близкий. Зато полная изоляция, тишина, птички поют... – Багнюк вспомнил, как досаждали ему неумолчный стрекот кузнечиков и жужжание мух, хорошенько прочистил горло и брякнул: – Корооче, удовольствие это обойдется вам в сто пятьдесят тысяч. Долларов.

– Дорого, – покачал головой Шарко. – Ну и цены у вас. Прямо-таки столичные.

– Ну, в Киеве такие особняки за полмиллиона улетают, – заявил Багнюк, никогда не прогуливавшийся по Крещатику. – Со свистом.

– С художественным.

– Как-как?

– Я не киевлянин, – заявил Шарко, – и даже не украинец. Но кое-какая собственность в Москве у меня имеется, так что в ценах я разбираюсь, да. И выкладывать сто пятьдесят штук баксов за развалюху посреди степи я не намерен.

– Насколько я понял, – сказал Багнюк, – вы ищете уединения.

– За разумную оплату, уважаемый, за разумную оплату...

– Особняк в викторианском стиле не может стоить дешево.

ле.

Утверждение прозвучало так, словно Багнюк, никогда в жизни не удалявшийся от Керчи более чем на пятьсот километров, постоянно курсировал между туманным Альбионом и Новым Светом.

– Это что-то новенькое, – хмыкнул Шарко, заправляя под воротник непокорные пряди волос, щекочущие шею. – Волчье логово в викторианском стиле, надо же!

Он знал, как сбивать цену, и умышленно выводил из себя директора агентства недвижимости. Нервничающий человек теряет бдительность и способность рассуждать здраво. Торговаться с таким – одно удовольствие. А торг предстоял важный. От успеха во многом зависело будущее Шарко. Приобретение особняка было для него если не вопросом жизни и смерти, то залогом свободы и безопасности – это точно.

Критические замечания посетителя возмутили Багнюка до такой степени, что он мысленно обозвал его вонючим шимпанзе. Сравнение получилось удачным. Повышенная волосатость действительно придавала облику господина Шарко нечто обезьянье, да и запах...

Запах вольера!

Чем дольше велась беседа, тем резче, тем тяжелее становился он, перешибая парфюмерный аромат, расплзаясь по комнате, подобно отравляющему газу. Встать и демонстративно распахнуть окно пошире? Выставить Шарко, сославшись на занятость? Хорошо бы обзавестись телохранителями, подумал Багнюк. Подходят к наглецу, хватают за шиворот и выволакивают прочь, подгоняя пинками. Но телохранителей нет. Они имеются лишь у по-настоящему состоятельных людей. Сперва оборотный капитал, а потом уж все остальное.

– Напрасно вы иронизируете, – произнес Багнюк, мысленно прицениваясь к облачению собеседника и к его пухлой борсетке. – Сто пятьдесят тысяч – деньги немалые, но и особняк на побережье – это, знаете ли, не сарай в дачном кооперативе.

– Сараями не интересуюсь. – Шарко встал и сунул руки в карманы. – Похоже, я обратился не по адресу. – Он дал

понять, что намеревается развернуться и уйти.

Глаза Багнюка сделались тоскливыми, как у голодного пса, из-под носа которого уплывает аппетитнейший кусок мяса на косточке. Гримаса, исказившая его лицо, никоим образом не могла служить рекламой агентству недвижимости. Наоборот.

– Погодите! – крикнул он, теряя самообладание вместе с ускользающей надеждой.

– Ну? – Шарко застыл вполоборота, сжимая в обоих карманах по большой мохнатой фиге.

– Сто тридцать, – сипло произнес Багнюк. – Таких фантастических скидок вы больше нигде не найдете.

– Сто десять. И это при условии, что вы располагаете всеми необходимыми документами.

– Располагаю. – Багнюк извлек из стола папку и принялся суетливо выкладывать из нее бумаги, чертежи и фотографии. – Но о ста десяти тысячах и речи быть не может. Это ни в какие ворота не лезет.

– Тогда сто, – безмятежно сказал Шарко, качнувшись с пятки на носок. – Для круглого счета. Если вы согласны, то я готов продолжить переговоры.

Он готов продолжить переговоры, Кинг-Конг вонючий!

– Уговорили, – сладко улыбнулся Багнюк.

Шарко сел, бегло просмотрел документы и занялся придиричивым изучением ногтей, словно специально для этого прикатил в Крым из России.

– Когда будем смотреть, гм, объект? – нарушил затянувшуюся паузу Багнюк.

– Уже видел, – огорошил его Шарко.

– Как?

– Катался вдоль побережья.

Багнюк страдальчески скривился. Дал маху! Если этот волосатый москаль рыскал по Керченскому полуострову в поисках пристанища и дом на отшибе ему приглянулся, то не стоило спешить со скидками. Что ж, больше уступок не будет. Ни шагу назад!

– Оплата наличными, – предупредил Багнюк.

Судя по нервному подергиванию губ, он уже мысленно пересчитывал переходящие из рук в руки пачки денег. Заглотил наживку, теперь не сорвется. Решив так, Шарко закинул ногу за ногу и обворожительно улыбнулся:

– А вы молодец. У вас настоящая коммерческая жилка. Такому палец в рот не клади.

Багнюк показал мимикой: «Да уж не лыком шиты». И строго осведомился:

– Готовы ли вы заплатить задаток?

– Берем быка за рога? – Улыбка Шарко расширилась сразу на пару сантиметров. – Куем железо, пока горячо?

– Куем. Почему бы и нет?

– Потому что у меня есть одно дополнительное условие.

– Какое? – насторожился Багнюк.

– Маленькое. – Шарко показал на пальцах, каким малень-

ким представляется ему условие. Размером с кончик мизинца.

– А конкретнее? – Багнюк заерзал.

– Пожалуйста.

Расстегнув барсетку, Шарко извлек оттуда бархатный мешочек, потянул за шнурок и высыпал на стол горстку сверкающих камней.

– Здесь алмазов на сто тысяч баксов, – сообщил он. – После огранки цена увеличится вдвое или втрое, если не поспешите нанять хорошего ювелира. Поздравляю с удачной сделкой, Виктор Павлович. Можно сказать, что вы поймали жар-птицу за хвост.

Камешки сияли. Багнюк – нет.

– По-вашему, я похож на сумасшедшего, Карл Маркович? – угрюмо осведомился он. – На лоха сохатого?

– Вы не производите впечатление лоха, – вежливо произнес Шарко. – Именно поэтому я предлагаю вам столь выгодные условия.

– Выгодные? Не смешите меня и уберите это. – Багнюк показал глазами на алмазы. – Без денег разговора не будет. Если вам больше нечего мне предложить, то всего хорошего.

На этот раз Шарко вставать не стал, а как раз наоборот – поудобнее расположился в кресле.

– Алмазы настоящие, – сказал он, сделавшись вкрадчивым, как змей-искуситель. – Что касается наличных, то таких денег я при себе не ношу, как вы сами понимаете.

– Существуют кредитные карточки, – обидчиво напомнил Багнюк.

– На кредитках одни кошкины слезы, – отмахнулся Шарко. – Я недавно возвратился из Ниццы, а там сами знаете как нашего брата обдирают.

– Нас здесь не обдирают. Мы здесь ученые.

Багнюк гордо вскинул голову.

– Но ведь никакого риска. Сейчас мы вместе садимся в мой «мерс» и едем к любому ювелиру, которого вы выберете.

Он осмотрит камни. Оценит их...

Не переставая говорить, Шарко все сильнее налегал грудью на стол, постепенно понижая тон до доверительного.

«Черт, как же все-таки от него несет, – подумал Багнюк, отстраняясь. – Не моется, что ли? Или из навоза выковыривает свои камушки? А вдруг настоящие? Вдруг после огранки они действительно потянут на четверть миллиона? Вот сейчас возьму и поеду по ювелирам. За спрос не быют в нос».

От собственной решимости у Багнюка забурлило в животе, а лоб покрылся липкой испариной. Были времена, когда он верил всяким заманчивым обещаниям, а потом кусал локти, кляня себя за бестолковость. Но времена изменились. И особняк – не фунт изюму, который можно забрать без ведома хозяина. Соглашаться на экспертизу или не соглашаться?

– Рискованно, – произнес Багнюк с сомнением. – Очень рискованно.

– Все мы чем-нибудь рискуем, – ударился в философию Шарко. – Было бы во имя чего.

– Я всегда полагал, что у состоятельных людей не бывает проблем с деньгами, – пробормотал Багнюк, прислушиваясь к внутреннему голосу, все настойчивее призывающему воспользоваться шансом.

– Проблемы бывают у всех.

Что можно было возразить против этого? Пока безуспешно подыскивался контраргумент, Шарко еще сильнее ошарашил собеседника следующим заявлением:

– Но у того, кто обладает достаточным количеством алмазов, проблем не бывает. Если я не куплю ваш дом, то найду другой. Не хотите продавать, не надо. Я уже и сам жалею, что поспешил. – Зажав один из камешков между пальцами, Шарко повернул его таким образом, что сверкающие искры, казалось, брызнули в глаза Багнюку. – Нелегко расставаться с этими красавцами. Готов любоваться ими с утра до вечера. Как сверкают, как переливаются, как играют всеми цветами радуги! – Шарко потянулся к мешочку. – Убирать камни?

– Не надо, – твердо произнес Багнюк. – Алмазы так алмазы. Но недвижимость и сопроводительные документы перейдут в ваши руки не раньше, чем подлинность камней подтвердят три ювелира. Только так, и никак иначе.

Шарко кивнул: да, только так, и никак иначе. Этого он и добивался.

Глава 2

Легко в учении?

1

Пару месяцев спустя, в двух тысячах километрах от Керчи, километрах в сорока от Москвы, где-то в окрестностях Внукова, неподалеку от речушки Сетунь, из выдавшего виды черного «Мицубиси Паджеро» выбрались мужчины, с удовольствием потянулись, размялись и помянули Шарко незлым тихим словом.

– Что слышно о клиенте?

– Чекисты говорят, прокладка канализационных труб на стадии завершения. Вентиляция в подвал проведена, мебель и оборудование завезены, освещение в норме. Скоро Карл Маркович засадит ювелиров за работу.

– Вот именно, что засадит. Как тех узников замка Иф.

– Они на добровольных началах.

– Мы тоже.

Мужчины сдержанно засмеялись. Так смеются близкие люди шуткам, понятным только в их маленьком сплоченном коллективе. Окружающим невдомек, чему они веселятся. Особенно если их постоянно держат на дистанции.

– Охрана усилена? – сменил тон мужчина постарше.

– Не-а, – беспечно откликнулся молодой, извлекая из багажника два одинаковых рюкзака. – Все то же подразделение омонцовцев.

– «Беркут». На Украине милицейские отряды быстрого реагирования давно переименованы в «Беркут».

– Какая разница?

– Во всем люблю точность, – сказал сорокалетний мужчина, взвешивая на руках рюкзаки, наполненные кирпичами. – Беру этот. – Он набросил лямку на плечо.

– Хоть сразу оба забирай, – сделал широкий жест его спутник, возраст которого вряд ли перевалил за тридцать лет.

– Одного будет достаточно, – заверил его сорокалетний мужчина.

– Слушай, Иван, а может, хватит этих самобичеваний?

– Тренировок никогда не бывает много, Олег.

– Ну давай хотя бы по паре кирпичиков выбросим?

– Тяжело в учении, легко в бою.

– Как раз наоборот, – заявил молодой мужчина.

Его звали Олег Белан, он был высок, строен и красив той почти женственной красотой, которая заставляет заподозрить обладателя в изнеженности, капризности и избалованности успехом у дам. Олег действительно нравился представительницам противоположного пола, не мог не нравиться. По-девичьи длинные ресницы, густые брови, иссиня-черные волосы, разделенные косым пробором: как можно бы-

ло не заметить такого мужчину? Когда он смеялся, его хотелось сфотографировать для рекламы зубной пасты, а когда надувал губы, в женщинах пробуждался материнский инстинкт, желание обнять, приласкать, обогреть... но не без взаимности, а в обмен на ответную ласку. Кавалерам же этих потерявших голову женщин хотелось немедленно дать Олегу в зубы, что некоторые и норовили проделать – зачастую с ущербом для собственных физиономий.

Ибо, как и его старший товарищ, он имел за спиной не только военную выучку, но и настоящий боевой опыт офицера спецназа ГРУ, что наряду с обманчивой внешностью делало его опасным вдвойне. Противники никогда не ожидали, что этот опрятный синеглазый красавчик с чуть выпяченными, словно приготовленными к поцелую губами способен не просто дать отпор, а напасть первым, сломить, изуродовать, даже убить. Олега не воспринимали всерьез. Он этим беззащитно пользовался.

В отличие от него, по-волчьи матерый, жилистый, хриплоголосый Иван внушал к себе уважение с первого взгляда, куда бы ни заносила его нелегкая: на блокпост к обкутившимся анаши солдатам, в траншею на туркмено-афганской границе, в компанию ушлых эков, в сибирскую тайгу к золотоискателям, в африканские джунгли к партизанам. Он умел поставить себя так, чтобы с ним считались. Прямолинейный, твердый и грубый, как его корявая фамилия – Долото, – Иван не любил пустопорожней болтовни, красивых поз и двусмыс-

ленных ситуаций. Его внешность полностью соответствовала внутренней силе: плотно прижатые к черепу уши, искривленный нос, расплющенные губы, обветренное лицо с размашистыми росчерками морщин. Совсем не голливудский киногерой, однако те женщины, которые узнавали его поближе, не забывали уже никогда. Иван Долото был для них той самой каменной стеной, о которой они всегда мечтали. Кремень-мужик. Гранит. Шершав камень, тяжел на подъем, опасен острыми углами, но прятаться за таким от бурь – милое дело. Иван не подведет, не выдаст. Правда, если умолять его поступиться какими-то своими принципами, то скорее лоб расшибешь, чем добьешься своего.

Принципов у Ивана было немного, но придерживался он их неукоснительно, чего требовал и от своего напарника, который как раз отличался неприязнью к различного рода правилам и самоограничениям. Были ли они друзьями в полном смысле этого слова? Вряд ли. Олег Белан и Иван Долото никогда не признавались друг другу в дружеских симпатиях и не называли себя закадычными корешами. Не считали они себя и искателями приключений, как бы романтично это ни звучало. Пожалуй, циничное определение «авантюристы» устроило бы их больше, однако и оно было далеко от истины.

Наемники – вот точное слово, характеризующее этих мужчин и род их деятельности. Им платили деньги за выполнение такой работы, взяться за которую способен далеко не

каждый. Не только взяться, но и довести до конца. Любой ценой. Порой цена эта была значительно выше, чем реальное вознаграждение. Олег с Иваном рисковали своими жизнями. Больше на кон им ставить было нечего.

Оставив машину на опушке, они двинулись через редколесье, почти не переговариваясь, чтобы не нарушать головами тишину. Впрочем, это была не тишина, а нечто иное, чему не придумано название. Лес не молчал, он был полон звуков, которые, сливаясь, образовывали то явственно слышимое безмолвие, которое царит под куполами храмов. Даже далекий шум железнодорожного состава не нарушал эту благодатную, патриархальную атмосферу. Он был такой же ее неотъемлемой частью, как стрекотание кузнечиков, щебет птиц и сонное урчание лягушек в поблескивающей среди зелени воде.

Мужчины остановились на краю косогора, круто спускающегося к реке. Место было знакомым, хотя в прошлый раз стартовали немного правее. Иван подбросил на спине рюкзак, проверяя, не колотят ли по ребрам острые грани кирпичей. Рюкзак Олега болтался на одном плече. Он лениво жевал травинку, улыбался и, казалось, блуждал мысленно где-то очень далеко отсюда.

– Готов? – спросил Иван.

– Погоди, – отмахнулся Олег. – Дай свежим воздухом подышать.

– Перед смертью не надышишься.

– Типун тебе на язык.

– С каких это пор ты суеверным стал?

– Я не суеверный, Ваня, я осторожный, – возразил Олег. – Береженого бог бережет.

– Ты, вместо того чтобы философствовать, лучше бы мешок нормально надел, – буркнул Иван.

– Мне и так хорошо.

Что ж, дело хозяйское. В предстоящем состязании строгих правил практически не существовало. Запрещалось лишь удерживать соперника захватом, пускать в ход кулаки, избавляться от груза и поворачивать обратно до пересечения условной линии. Это была верхняя кайма крутого обрыва на противоположном берегу. Добравшись туда, следовало вновь переплыть реку, подняться по кособокому и добежать до машины. Отставшему предстояло добираться в город пешком. Мокрому, усталому, грязному. Право сесть за руль получал лишь победитель. Поблажки, фора и компромиссы исключались напрочь.

– Надышался? – нетерпеливо спросил Иван.

– Ага, – рассеянно ответил Олег. – Но теперь задумался.

– С тобой не соскучишься. И о чем же ты задумался?

– Об орлах об этих крымских...

– О каких еще орлах? – начал заводиться Иван.

– О «беркутовцах», – буркнул Олег. – Лучше бы Шарко какую-нибудь банду для охраны привлек. Или татарву местную.

– Ментов пожалел?

– Все ж таки не уркаганы.

– Но они сами сделали свой выбор, – сердито напомнил Иван. – Захотелось деньжат срубить без лишнего напряжения. Что, не так? Не понимают, с кем дело имеют? Не унюхали, что от алмазов Шарко за версту криминалом разит? Они хозяина своего от кого защищают? – Иван сплюнул. – От налетчиков? От воров? Нет, Олежка. Они его в первую очередь от закона защищают. От того самого, которому вроде как служат. – Он выругался. Правоох-хранители х-хреновы! Ты, ежели вне закона решил существовать, сперва погоняй спори, удостоверение сдай и оружие табельное. А то герои выискались! Ненавижу!

– Мы с тобой тоже не Деды Морозы с детского утренника, – тихо напомнил Олег.

– А у меня совесть чиста! – Иван ударил себя кулаком в грудь. – Я работяг не обворовываю, алмазы не тырю, за бугром виллы не скупаю. Да, работенка у нас не всегда чистая, согласен. Крови и грязи на руках хватает. Так ведь кровососов давить – не блюдечки цветочками разрисовывать. Главное, чтобы здесь не замараться. – Он снова стукнул себя в грудь. – Остальное отмоется.

– Где ж той воды набраться? – невесело усмехнулся Олег.

– А вон она, родимая, – сказал Иван, кивая на реку внизу. – Айда купаться. Хорош тоску нагонять. Без тебя тошно.

– Купаться так купаться.

– Тогда раз...

– Два...

– Три!

Одновременно сорвавшись с места, они устремились
вниз.

Косогор был изрыт промоинами от дождевых ручьев, топорщился густыми кустами и травой, маскирующей бугры и впадины. Бежать приходилось не по прямой, а беспрестанно лавируя между деревьями, уворачиваясь от хлестких веток и острых сучьев. Однако скорость соперники развили такую, словно кросс проходил на ровной беговой дорожке, не таящей опасных ловушек.

С первых же секунд вперед вырвался более легкий Олег, сигающий через многочисленные препятствия, как олень. Несмотря на увеличивающуюся крутизну склона, ноги несли его все вперед и вперед, не зная усталости. Риск оступиться или поскользнуться был велик, однако Олег и не думал притормаживать на опасных участках, стремясь сохранить между собой и Иваном приличную дистанцию. На то имелись причины. Во-первых, пловец Иван Долото был отменный: за несколько взмахов наверстает упущенное. Во-вторых, как это частенько случалось, пользовался он преимуществом в весе, норовя зацепить Олега плечом или вообще протаранить его всем корпусом. Неписаными правилами подобных марш-бросков это допускалось. Состязания велись не только в проворстве, выносливости и скорости реакции. Нужно было также уметь постоять за себя. Наемники не были бы наемниками, если бы не имели в запасе всевозможных ковар-

ных приемов. Пускать их в ход было в порядке вещей, как и отражать неожиданные наскоки.

Первое столкновение произошло на подступах к реке, там, где склон порос лозой и орешником. Обминая заросли, Олег слегка сбился с темпа, тогда как Иван предпочел бежать напрямик, по-кабаныи ломаясь сквозь кусты. Их пути-дорожки пересеклись у поваленного древесного ствола обхватом с добрую пивную бочку. Оба взмыли вверх чуть ли не впри-тирку друг к другу.

Оттолкнувшись от ковра из прелой листвы, Иван приготовился толкнуть Олега в момент приземления. Руки у него были свободны. Левая приподнялась, вытянувшись в сторону соперника. В следующую секунду Иван ощутил болезненный удар в бедро и запоздало сообразил, что Олег неспроста отказался привесить рюкзак на спину. Балласт из кирпичей превратился из обузы в орудие защиты и нападения. Получив толчок, Иван потерял равновесие и завершил прыжок сперва враскорячку, а потом и покатился кубарем.

Зрение не успевало фиксировать стремительно сменяющиеся картинки, на которых небо сменялось землей, листва – травой, а солнечные зайчики – темнотой, расцвеченной искрами. Селезенка не екала – попискивала резиновым мячиком, терзаемым разыгравшимся щенком. Во рту сделалось солоно от крови. Чудом не расшибив лоб и не свернув шею, Иван выкатился на берег, кое-как сориентировался в кру-жащемся пространстве и ухнул в реку, шипя яростней, чем

раскаленное железо. Поднажать, догнать и отплатить той же монетой! Ох и нахлебается же сегодня Белан мутной речной водицы!

Тот успел просунуть руки в лямки рюкзака, но на это ушло время, и заплыв начался с десятисекундным отрывом. Оба шли мощным брассом, то погружаясь в воду с головой, то выныривая, чтобы глотнуть воздуха. Спортивные рекорды пловцы не били, поскольку каждый нес на себе пятнадцать килограммов дополнительного груза, однако скорость была набрана приличная.

Обнаружив, что соперник неумолимо настигает его, Олег нырнул и резко изменил курс, позволив течению снести себя правее. Если он надеялся перехитрить Ивана, то здорово просчитался. Тот тоже отдался течению и, фыркая, как разъяренный морж, очень скоро сократил разрыв до полуметра. Сколько Олег ни молотил ногами по воде, стремясь воспрепятствовать сближению, а неизбежное случилось. Набрав полную грудь воздуха, Иван выпрыгнул из воды и обрушился на соперника. Соблюдая договоренность, он не стал топить его или удерживать за одежду, но этого и не потребовалось. Атакованный Олег глотнул воды, сбился с ритма и забарахтался, теряя инерцию вместе с остатками сил. Пока он, плюясь и кашляя, уносимый рекой, удалялся все дальше и дальше, Иван нащупал ногами илистое дно и полез на берег, подминая камыши.

Предвкушение близкой победы, как это часто бывает, ока-

залось обманчивым. Обрыв, по которому предстояло вскарабкаться Ивану, был почти отвесным. Потоки воды, сбегаящие с одежды, превращали глину в скользкое месиво. Вгоняя в нее руки и ноги, Иван упорно лез все выше и выше, но Олег тоже не терял времени даром.

Это был тот случай, о котором говорят: не было счастья, да несчастье помогло. Течение сослужило Олегу добрую службу. Оно увлекло его дальше, зато вынесло туда, где берег прорезала ложбина, облегчающая подъем. Иван находился на середине пути, когда его более удачливый соперник добрался до верха и опустился на землю, утираясь рукавом.

– Какого хрена? – рыкнул Иван. – Мне поблажек не надо, слышишь? Чего расселся?

– Мое дело, – пропыхтел Олег, лицо которого представляло собой грязную маску. – Хочу бегу, хочу отдыхаю. Тебя забыл спросить.

– Если ты сейчас же не встанешь, я схожу с дистанции.

– Не имеешь права, Ваня. Будешь ползти как миленький.

– Тогда вставай! – захрипел Иван, едва не обрушившийся с пластом глины. – В воде все равно нагоню. Шевелись, пока я тебя не расшевелил.

– Попробуй.

– Если я до тебя доберусь, то ты у меня живо вниз сигаешь, усек?

– Сигану. – Олег протер грязный циферблат часов. – Без твоей помощи.

– Время засекаешь? – Всхлипнув от напряжения, Иван подпрыгнул и ухватился обеими руками за корявое корневище ивняка. Куст затрещал, но выдержал. Кроссовки заскребли по земле, ища точку опоры. Подтянуться сил не было. После заплыва с рюкзаком на спине руки плохо приспособлены для гимнастических упражнений.

– Реку ты обычно пересекаешь секунд на десять раньше меня, – сказал приблизившийся Олег. – Но на этот раз первым буду я, Ваня. Не обессудь.

– Отпусти! – заорал Иван, почувствовав, что его тянут за шиворот, помогая взобраться на ровную поверхность. – Я сам.

Его протестующий голос во внимание принят не был. Олег все-таки выволок приятеля наверх. После чего исчез. Будто сквозь землю провалился.

«Вот тебе и бриллианты, вот тебе и небо в алмазах, – пронеслось в голове Ивана. – Если не обе ноги переломал, то одну как пить дать. Тут же все десять метров будут».

Развернувшись на животе, он глянул вниз и скрипнул зубами. Прихрамывающий Олег зашел по колено в воду, обернулся и издевательски помахал рукой. Стало досадно. С одной стороны, Ивана радовало, что напарник не стал калекой и не сорвал готовящуюся операцию. С другой стороны, самолюбие не позволяло смириться с таким разгромным поражением. Высмотрев внизу следы от ног удачно приземлившегося Олега, Иван, не раздумывая, прыгнул на тот же рыхлый откос, доковылял до реки и бросился в нее, вздымая фонтаны воды.

Он плыл не так стремительно, как вначале, но мощно и уверенно. «Догнать, догнать во что бы то ни стало!» – эта мысль была его единственной и главной движущей силой. Олег превосходил его в беге, стрельбе и борьбе, но бокс, вождение машины и плавание всегда считались видами спорта, в которых лидировал Иван Долото, поэтому он выкладывался без остатка.

Финишировали, что называется, кость в кость, плечом к плечу. Течение занесло обоих в заболоченную заводь, гудящую от обилия комаров. Кашляя, сопя и отплеываясь, муж-

чины ринулись к берегу. Их высоко вздымающиеся ноги местили серый ил, а глаза косились друг на друга, чтобы не пропустить момент нападения. Дважды Иван попытался поставить бегущему Олегу подсечку, и всякий раз тот уклонялся, не переходя в контратаку. Вымотавшийся, задыхающийся, он избегал столкновений, которые могли закончиться не в его пользу.

Городская жизнь с ее многочисленными соблазнами не способствовала поддержанию должной физической формы. Бывшие офицеры спецназа понимали это и, собираясь в поход, наверстывали то, что можно было наверстать. Выкладываясь в подмосковных лесах, они знали, что настоящие испытания ждут их впереди. Ради этого стоило напрягаться. Ради этого стоило жить. В чем еще предназначение мужчины, если не в преодолении трудностей, ловушек и собственного несовершенства? Возможно, имелся какой-то иной, более высокий смысл, но спецназовцы его не искали. Им хватало того, что они знали и умели. Они ставили перед собой цель, а потом прилагали все силы для ее достижения. Проще не придумаешь. Труднее не бывает.

Метров за пятьдесят до опушки они уже не столько бежали, сколько шагали вверх по косогору, сипя легкими, отравленными бензиновым смогом и никотиновым дымом. Со стороны могло показаться, что эти двое либо пьяны, либо одержимы. Тот, кто никогда не совершал марш-бросков с полной выкладкой, никогда бы не понял, что происходит с

этими странными мужчинами. Подумаешь, пробежали полтора километра и проплыли в общей сложности стометровку! Подумаешь, пятнадцатикилограммовые вещмешки нацепили! Ну, взобрались на горку, ну спрыгнули, что из того? Это ли повод языки на плечи вывешивать?

Может, кто другой и пришел бы к финишу свежий, как огурчик. А вот Иван Долото с Олегом Беланом, по правде говоря, еле ноги волочили. Подъем-то приходилось преодолевать нешуточный. По бездорожью, напролом, в мокрой одежде и хлюпающих кроссовках. В общем, умаялись. Но на последнем отрезке рванули наперегонки так, что любо-дорого посмотреть. Только земля и листья из-под ног полетели. Только заросли затрещали.

Вырвавшийся на опушку Олег обошел Ивана примерно на полтора корпуса, да так ни сантиметра и не уступил больше. Подбежал к автомобилю, впечатал ладонь в металл:

– Есть!

Иван проделал то же самое, но в падении, стремясь дотянуться до «Паджеро» одновременно с соперником. Не вышло. Хлопок его руки прозвучал с небольшим опозданием.

– Одновременно, – заключил Олег, упершись лбом в борт джипа. – Красота среди бегущих... – Он сделал паузу, переводя дыхание. – Первых нет и отстающих... Уф-ф... Хоть по новой начинай.

– Да пошел ты, – буркнул Иван, с трудом принимая вертикальное положение и стягивая рюкзак.

– Только после вас.

– Сам.

– Эй, в чем дело? – повысил голос Олег. – Я, между прочим, тоже послать могу. И вдоль по Питерской, и по матушке-Волге, и на кудыкину гору по самые помидоры.

– Ладно, извини, – сбавил тон Иван, ссылая под куст кирпичи, половина из которых раскололась во время забега. – Но ты меня достал, Олежка. Терпеть не могу эти игры в благородство.

– Какие игры? – изумился Олег. – Какое благородство, от-

куда?

– Кончай глаза пучить. Садись и поезжай.

Махнув рукой, Иван отвернулся.

– Но проигравших не было, Ваня. Если кто-то здесь принимает гордые позы, то это ты. Мы тютелька в тютельку уложились, разве нет?

– Нет.

– У тебя что-то с восприятием действительности, Ваня. Неадекватное оно.

Иван подошел к Олегу и ткнул его пальцем в грудь:

– Слушай сюда. Мы договорились, что последний топают пешком? Договорились. Я тебе когда-нибудь поблажки делал? Не делал. Вот и мне не надо. – Он снова пустил в ход палец, твердый, как гвоздь. – Стоит разок слово нарушить, и пошло-поехало, не остановишь. Так что будь добр помести свое седалище в тачку и катись.

– Колбаской, – подхватил Олег. – По Малой Спасской.

– Хоть по Большой Арнаутской. Лишь бы с глаз долой.

– Злишься?

– Ну злюсь, – неохотно признался Иван.

– Тогда объясни, в чем я перед тобой провинился? Может быть, надо было поддаваться, чтобы тебе настроение не портить?

– Охренел? Я не на тебя злюсь, Олежка. На себя. Запустил дыхалку и мышечные рефлексy. Как та баба.

– Кстати, о бабах, – оживился Олег, не спеша усесться за

руль джипа. – Утром видел фото претенденток. Та, что по всем параметрам подходит, очень даже ничего. Симпатяга. Жаль.

– А тебе кривоногую уродину подавай? – удивился Иван. – С каких это пор?

– Соратницу жаль, – пояснил Олег, закуривая.

– Тогда тебе пора в сестры милосердия записываться. Или в братья, если тебе это больше подходит.

– Еще в первом классе подал заявление. До сих пор на рассмотрении в небесной канцелярии. Ни ответа ни привета.

– Так что там насчет соратницы? – не удержался Иван от вопроса, отметив про себя, что, отшучиваясь, Олег не ухмыляется, а хмурится. Что-то было не так. Что-то его беспокоило.

– Опасная затея, – ответил Олег уклончиво.

– Все наши затеи опасны, – напомнил Иван. – В нашем деле без риска никак.

– Мы рискуем потому, что сами этого хотим. А даму силком в наш коллектив загоняют. Ну, если не силком, то все равно другого выхода не оставляют.

– Выход всегда есть, – убежденно заявил Иван. – Кто какой выбирает. – Он еще раз присмотрелся к выражению лица напарника. Тот отвел взгляд. – Выкладывай начистоту, – потребовал Иван. – Что-то тебя гнетет, друг ситцевый. Желая знать причину. С какой стати ты вдруг судьбой посторонней бабы обеспокоился? Она твоя знакомая? Спал с ней? Или

еще пока только клинья подбиваешь?

– Нет, – качнул головой Олег.

– Не тяни резину! Я этого не люблю.

– Сдается мне, что у нас намечается экспедиция в один конец, Ваня.

– В какой конец?

– В противоположный, – ответил Олег.

– Хватит напускать туману, – потребовал рассердившийся Иван. – Я тебе не смертельно больной птичьим гриппом, чтобы от меня правду скрывать. Не хочешь говорить, проваливай. Мне и так по темноте домой шкандыбать.

– Но карета же подана, Ваня. – Олег кивнул на «Паджеро». – Не выламывайся. А то как в той присказке получается. Назло кондуктору пойду пешком.

– Ох, не выводи меня из себя, кондуктор, – угрожающе процедил прищурившийся Иван. – Я по сто раз одно и то же повторять не намерен. И за язык тебя клещами тянуть не собираюсь. Хотя надо бы. Заслужил.

Прежде чем заговорить, Олег воткнул окурок в землю, тщательно затоптал. Потом посмотрел прямо в глаза напарнику и тихо сказал:

– По-моему, нас по возвращении на родину ликвидировать собираются. Заказчики. Если откажемся, все равно не успокоятся. Сам знаешь, какие они, чекисты. Железные руки, холодное сердце, чугунная голова.

– Факты? – коротко спросил Иван.

– Предположения. Базирующиеся на богатом жизненном опыте.

– Выкладывай свои предположения.

– Мне главный с самого начала не понравился, – начал Олег.

– Он не голубоглазая блондинка, чтобы нравиться, – заметил Иван. – И не жгучая брюнетка.

– Да погоди ты со своими поддевками.

– Молчу.

– Я сегодня на оперативном совещании пробный шар запустил, – продолжал Олег, морщась. – Послушал генерала, послушал, а потом брякнул: обстоятельства, мол, изменились, дорогие товарищи, за жалкие крохи работать отказываемся.

– Ничего себе, крохи! – возмутился Иван. – Да у меня

глаза на лоб полезли, когда подсчитал, сколько бабла нам светит. Почти полтора миллиона баксов. Это в двадцать раз больше обычного гонорара, половина которого, между прочим, на снаряжение уходит.

– Примерно то же самое поведал мне товарищ генерал, – сказал Олег, достал вторую сигарету, но не закурил, а с наслаждением понюхал. – А я ему: мало.

– Он тебя не выставил?

– В том-то и дело, что нет. Даже когда я десять процентов потребовал.

– Де... – Иван осекся. – Ты в своем уме? Кто же нам такую кучу деньжищ на блюдечке с голубой каемочкой поднесет?

– Генерал. – Олег сломал сигарету в кулаке и принялся просеивать табак сквозь пальцы. – Поорал немного, побегал по кабинету, а потом успокоился и согласился. Это что значит?

– Это значит, что мы богачи. Мультимиллионеры.

– Это значит, что мы трупы, Ваня. Хоть пока еще только в планах ФСБ, но уже трупы.

Иван присвистнул:

– А ведь действительно. Вот же суки! Хотя бы поторговались для приличия.

– А они нас за придурков держат, – безмятежно улыбнулся Олег. – Сила есть, ума не надо. Чего с нами церемониться, с ландскнехтами тупоголовыми? Выполнили задание – получите. Пулю в затылок.

– Что будем делать? – посуровел Иван.

– Кумекать. Ты на ходу, я за рулем. Вечером встретимся, обсудим. Если, конечно, ты дрыхнуть не будешь без задних ног после своего променада. Не передумал, марафонец?

– Я когда-нибудь на попятный шел?

– В жизни все бывает в первый раз, – осклабился Олег.

– Не все, – отрезал Иван. – И не у всех. Так что поезжай с богом. В двадцать один ноль-ноль жду.

– Успеешь?

– Главное, чтобы ты не опоздал.

С этими словами Иван демонстративно отвернулся. Некоторое время Олег смотрел ему в спину, а потом махнул рукой и полез в машину. Разговаривать было не о чем. До двадцати одного ноль-ноль.

Джип взревел и умчался в сторону Москвы. Иван отряхнулся, вытер кроссовки пучком травы и зашагал следом. Вид у него был целеустремленного и непреклонного. Он не собирался становиться трупом. Ни в планах ФСБ, ни в чьих-либо еще.

Глава 3

Явно не Татьянин день

1

По признанию работников московской автоинспекции, такого кошмара на Лубянской площади они еще не видели. Стоящие в шестнадцать рядов автомобили образовали настоящее вавилонское столпотворение. Причиной стал митинг, устроенный в утренний час пик на проезжей части.

Потрясающие транспарантами пикетчики требовали то ли вернуть на площадь памятник Дзержинскому, то ли не допустить его восстановления, а может, то и другое одновременно. Минут через пятнадцать нарушителей порядка оттеснили к зданию «Детского мира», но к этому времени железный затор намертво сковал прилегающие улицы. Ситуацию усугубляли германские грузовые фуры, рвущиеся к столице, как всегда, с запада. Непомерно длинные, неповоротливые, под завязку набитые бытовой техникой, они напоминали нагромождение вагонов, протиснуться между которыми не сумела бы даже самая миниатюрная малолитражка.

Стало ясно, что это надолго. Оставалось лишь смириться с заточением. Одни водители потянулись за мобильными

телефонами, другие задымили сигаретами, третьи включили радио. Настроенные на разные волны, приемники выдавали один и тот же размеренный ритм: тяжелое басовитое уханье, сотрясающее машины и нервные системы их владельцев.

Сизая гарь, струящаяся из великого множества выхлопных труб, образовала призрачное марево, колышущееся над Лубянкой. Был конец июля, так что об утренней прохладе можно было только мечтать. Потные, взвинченные, одурманенные угаром водители то и дело затевали ссоры, выясняя, кто кому поцарапал крыло, кто кому разбил фару и кто за это должен заплатить. Поминали без вины виноватого Пушкина, поминали мать и богомать, поминали еще много кого и чего, вплоть до самого верха вертикали власти, а потом в механическом заторе происходило судорожное движение, и спорщики бросались по машинам... чтобы через некоторое время возобновить перебранку.

Средняя скорость движения на площади не превышала восьми сантиметров в секунду. Словно некий гигантский жернов никак не мог провернуться, скрежеща от напряжения. Ни туда, ни сюда. Казалось, что никто уже никуда никогда не поедет, а все так и останутся сидеть в заглохших машинах, погребенные заживо среди сотен тонн горячего металла.

И никто, ни одна живая или полуживая душа не подозревала, что пикетчики возникли на площади не случайно, что пробка образовалась не сама по себе, что время проведения

акции было выверено до минуты. И слава богу. Потому что в противном случае несдобровать бы особе, ставшей причиной описываемых драматических событий.

Ее звали Татьяной, она бессменно носила девичью фамилию Токарева и понятия не имела о том, что вот уже несколько месяцев находится под неусыпным надзором тех, кто контролировал в этой жизни многое, очень многое. В том числе и дорожное движение на бывшей площади Дзержинского, мало изменившейся с тех пор, как она была переименована на миролюбивый купеческий лад.

– Призрак коммунизма бродит по Лубянке! – провозгласил из динамиков диджей, после чего затараторил про несанкционированный митинг чекистов-сталинистов, парализовавших движение в центре столицы.

Разомлевшая за рулем «восьмерки» Таня переключила радио на другую программу и услышала иную версию событий:

– Сегодня в половине девятого утра, когда москвичи спешили на работу, Лубянская площадь превратилась в арену бушующих страстей. Противники восстановления монумента Железного Феликса блокировали проезжую часть, скандируя: «Даешь святого Николая! Пора увековечить самодержавие!» По сообщениям очевидцев, среди собравшихся был замечен человек, внешне похожий на Никиту Михалкова. Правда, как выяснилось, это оказался лишь двойник знаменитого режиссера – пенсионер Шмелев...

Третья радиостанция окрестила пенсионера Хмелевым и вручила ему лозунг «Возродим парламентскую Россию без монархистов и большевиков».

Четвертая уже отбарабанила горячие новости и передавала не менее горячую сводку погоды:

– Усиливающаяся активность средиземноморских циклонов и антициклонов грозит небывалой жарой, благодаря ко-

торой плюсовая отметка в столице может побить прошлогодние топ-рекорды. Сегодня утром метеостанция на ВДНХ зафиксировала температуру двадцать пять градусов выше нуля, но это не предел, солнце поднимается все выше, а несравненная Гюльчатай открыла личико, чтобы порадовать нас своей новой песней о главном!..

– Пыл-пыл-пыл-пылаю, от любви стораю, – затянула певица и тут же перескочила на октаву выше, отчего тембр ее голоса сделался совершенно невыносимым.

Поморщившись, как будто над самым ухом завизжали тормозные колодки, Таня поспешила настроиться на другую радиоволну, где затор на Лубянке послужил прелюдией к экскурсу в темное прошлое площади. Речь шла о том самом желтом доме на гранитном постаменте, близ которого маялась затертая автомобильными торосами Таня.

Оказывается, дом № 11 по Большой Лубянке принадлежал до революции страховому обществу «Россия», и эта «Россия», как и вся остальная, необъятная, великая, без кавычек, была насильственно захвачена ландскнехтами Дзержинского. Старорежимную вывеску заменили новой, гласившей, что отныне в здании заседает Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Вэ-Че-Ка, как сокращенно называли ее современники, вздрагивая при этом, словно в коротком слове им чудилось щелканье перезаряжаемого «маузера».

Что касается соседнего дома номер два, то его простор-

ные апартаменты чекисты облюбовали чуть позже, но тоже безвозмездно. Они, подобно большевикам, пришли всерьез и надолго.

К концу двадцатых годов работы на Лубянке прибавилось, соответственно вырос и штат сотрудников. Бывший доходный дом пришлось срочно реконструировать. Прямо за ним было построено новое здание, выполненное в стиле конструктивизма. Отныне своим главным фасадом дом чекистов выходил на Фуркасовский переулок, а два его боковых фасада с закругленными углами смотрели на Большую и Малую Лубянку. По замыслу заказчиков, новая постройка была выполнена в форме буквы Ш, как бы говоря «ша!» всем врагам мировой революции.

Во внутреннем дворе соорудили четырехэтажную тюрьму с прогулочными дворами на крыше. Узников доставляли сюда на специальных лифтах или конвоировали по лестничным маршам. Убирали вниз таким же образом; особо опасных — прямиком в знаменитые подвалы, выход откуда предусматривался далеко не для каждого.

Во время горбачевской перестройки были попытки сжечь или вообще снести громадину центрального аппарата КГБ СССР, бросающую тень на первые ростки свободы и демократии. Тогда народу не хватило пороку или же просто хмельного запала. Ограничились тем, что низвергли с поста-мента Железного Феликса и подвесили его за шею на стальном тросе, приветствуя публичную казнь гоготом и улюлю-

каньем. Потом отправили его на свалку истории и успокоились, но, как выяснилось, напрасно.

Затаившаяся на Лубянке Федеральная служба безопасности, ставшая преемницей КГБ, помаленьку оклемалась, вышла из комы, принялась поигрывать атрофировавшимися мускулами. Заработали источники финансирования, восстановились утраченные связи с Кремлем, пошли глухие разговоры о необходимости обновить ежовые рукавицы, а на фасаде здания с президентского благословения возникла мемориальная доска в честь Юрия Андропова, провозглашенного «выдающимся советским деятелем»...

Выяснить, что думают по этому поводу в редакции «Эхо Москвы», Тане не довелось, поскольку владелец джипа, застывшего слева по борту, принялся нервно сигналить, вообразив, что этим можно улучшить ситуацию. От избытка чувств он даже высунулся поверх открытой дверцы, пытаясь высмотреть впереди виновников пробки. Его примеру тут же последовали еще человек пять, испытывающих настоящую необходимость сорвать на ком-то накопившееся раздражение. Козлом отпущения сделали шофера «МАЗа», который непрерывно газовал, наполняя и без того угарный воздух черным чадом.

– Глуши мотор, – закричали ему, сопровождая речь руганью и угрожающими жестами. – Душегубку тут устроил, чертяка! Дышать уже нечем! Вырубай к хвостам собачьим, тебе говорят!

– Как же я его вырублю, на хрен, если он потом не заведется ни хрена, – защищался шофер.

Тогда соседи пообещали вырубить его самого, и «МАЗ», издав предсмертный вздох, затих, но накал страстей от этого не убавился. Все чаще, все истеричней звучали клаксоны попавших в ловушку автомобилей, все нервозней и нервозней становились их владельцы.

«Мужчины, – подумала Таня с тем чувством превосходства, которое присуще кошкам, взирающим из укрытия на больших, глупых псов. – Гонору у каждого на десятерых, а выдержки, словно у мальчишек, толпящихся в очереди за мороженым. Ждать не умеют, терпеть не умеют, перед малейшими трудностями пасуют, при банальном насморке валятся замертво и жалобно стонут, а похмелье воспринимают как вселенскую катастрофу. И это – сильный пол? Смешно. Представляю, что творилось бы со всеми этими мифическими героями, доведись им выдержать то, что раз в месяц переживаем мы, женщины. И не под кондиционером в офисном креслице, а здесь, за рулем на солнцепеке, или на рынке с тяжеленными сумками в обеих руках, или в переполненном вагоне метро».

Испытывая почти непреодолимое желание выбраться из машины и бежать, без оглядки бежать домой, где есть душ, отвар ромашки и чистое белье, Таня откинулась на спинку сиденья и зажмурилась, чтобы не видеть творящегося вокруг бедлама. Для нее этот день был критическим во всех отно-

шениях. Как позавчерашний и вчерашний. Как завтрашний, послезавтрашний и послепослезавтрашний, хотя Таня Токарева об этом еще не догадывалась.

Оно и к лучшему. Ей и без будущих неприятностей переживаний хватало. Например, вчерашнего похода в ресторан «Корейская утка».

Кормили в «Утке» на славу, так что с желудком у Тани проблем не возникло. Успешно справилась она и с тонкими корейскими палочками для еды, напоминающими вязальные спицы. Не отсидела ноги, мостясь на плоской подушке за столиком высотой с детский табурет. Не подожгла свечкой бумажные флажки и фонарики, не разбила ни одной керамической плошки и даже сдержала визг при виде поданного официантом морского окуня, шевелящего жабрами. Одним словом, ничего предосудительного она не совершила, а расплачивалась за угощение не только деньгами, но и собственными слезами, горькими, жгучими, разъедающими глаза, как тот молотый оранжевый перец, о достоинствах которого распространялся Танин кавалер Митя.

– Корейская кухня, – говорил он, жуя ломтик сырого осьминога, – отличается феноменальной остротой. – Грузинские и мексиканские специи даже рядом не стояли вот с этим. – Митя постучал палочкой по черно-зеленому блюдечку, наполненному сухим порошком, источающим терпкий запах, от которого щекотало в носу. – Красный перец был завезен в Корею сравнительно недавно, кажется, в восемнадцатом веке, но успел завоевать огромную популярность и закупается там мешками...

«Вот так штука, – размышляла Таня, осторожно выковы-

ривая из раковины какого-то скрюченного моллюска, почему-то пахнувшего копченым угрем. — Надо же, какой эрудит попался».

Последнее относилось не к моллюску, а к разглагольствующему Мите, хотя, по правде говоря, помыслы Тани в основном были сосредоточены не столько на спутнике, сколько на незнакомых яствах.

Вкусные, необычные, экзотические и красиво приготовленные блюда являлись ее тайной слабостью. Скромной зарплаты аудитора на регулярные походы по ресторанам не хватало, но раз или два в квартал Таня все же выбиралась в какой-нибудь «Шанхайский сюрприз» или «Приют самурая». Это стоило ей внушительной брешки в бюджете и последующей недели строгого поста, однако ради одного такого сказочного вечера Таня была готова рискнуть и содержимым кошелька, и фигурой, и даже местечком в раю, которого ее могли лишить за грех чревоугодия.

Раз уж не прелюбодеяния, то хоть за что-то!

У Тани не было мужа. Не было жениха. Даже какого-нибудь завалящего любовника у нее не имелось тоже.

Плевать, размышляла она в девятнадцатилетнем возрасте. Успеется, думала она в двадцать пять. Поезд ушел или вот-вот уйдет, заподозрила она, приближаясь к тридцатилетнему рубежу.

А кому хочется выглядеть неудачницей? Кому приятно всюду оказываться белой вороной, на которую посматрива-

ют подозрительно, презрительно и свысока? Белых ворон заклевывают – и хорошо, если не до смерти. Одиночек оттесняют от праздничного пирога и толкают локтями. Незамужних тридцатилетних женщин обзывают старыми девами, и всякий плюгавый замухрышка ведет себя с ними так, словно они должны скакать от счастья, услышав сомнительный комплимент или недвусмысленное предложение скоротать ночь в чужой постели.

Таня устала от всего этого. Ей надоело врать матери по телефону про свои мнимые успехи на любовном фронте. Все чаще ей хотелось быть как все, все сильнее изнывала она от одиночества. Пытливый глаз сумел бы разглядеть на углах наволочек Тани отметины, оставленные стиснутыми зубами, а чуткое ухо расслышало бы ту тщательно скрываемую дрожь в ее голосе, когда ей доводилось оправдываться:

«Ну и что ж, что не замужем. Зато независима и свободна, как птица!»

Наверное, именно эта свобода побудила Таню разместить в Интернете объявление о поиске спутника жизни? Наверное, стремление к полной независимости подтолкнуло ее к переписке с Митей, которого она увидела сегодня впервые?

Широкоплечий, высоченный, здоровенный, но то ли оплывший, то ли заплывший, он поболтал с ней пяток минут возле Александровского сада, а потом усадил в «Тойоту» и повез ужинать в дорогой корейский ресторан. Пока что подобная галантность не давала ему права требовать продолжения банкета в домашней обстановке, однако выслушивать его речи Таня была просто обязана. Так подсказывали ей совесть, правила этикета и хорошее воспитание. Хором подсказывали, слаженно, дружно. Заглушая голос разума.

Да и эрудированный Митя не умолкал ни на минуту.

– Вот ты спрашиваешь, почему перец? – воскликнул он, орудуя стальными палочками до того проворно, словно все свободное время посвящал вязанию.

– Я спрашиваю? – удивилась Таня.

Не глядя на нее, Митя вонзил свою спицу в овощное рагу и продолжил:

– Все в этой жизни должно быть острым, возбуждающим, резким...

– Что касается меня, то я предпочитаю умеренность.

– И азиаты...

– И в еде, и вообще, – туманно закончила мысль Таня.

– И азиаты знают в этом толк, – подытожил Митя. – Корейцы до того пристрастились к перцу, что слова «острый»

и «вкусный» сделались для них синонимами. Здорово, да? – Митя облизнулся при виде большущей рыбины, подергивающейся на блюде. – Морской окунь – моя слабость. Тебе хвост или голову?

– Он живой, – забеспокоилась Таня.

– Ну и что?

– Не станем же мы есть живого окуня!

– Почему? – Наморщивший лоб Митя сделался похожим на большого раскормленного ребенка, которому запрещают полакомиться пирожным. На лезвии его столового ножа застыли серебристые блики.

– Если ты прикоснешься к нему, на мою компанию можешь не рассчитывать, – решительно заявила Таня.

– Ты из общества защиты животных?

– Из аудиторской фирмы. Но питаться прыгающей по столу рыбой у нас не принято.

– Повар старался. – В голосе Мити прозвучал неприкрытый упрек.

– *Рыболов*, может, и старался, – ответила Таня, накрывая окуня салфеткой, словно саваном. – Но при чем тут *повар*?

– Он соскребал чешую! – воскликнул Митя. – Чистил и надрезал рыбу так, чтобы не повредить внутренностей. А ты...

– А я лучше скушаю что-нибудь попроще, – сказала Таня, перебарывая подступившую к горлу тошноту. – Вот хотя бы этих засушенных червячков.

– Это не червячки, а лапша.

С такой интонацией мог бы сказать слон: *это не шланг, а хобот.*

– Обиделся? – спросила Таня, трогая Митю за руку.

– Да нет, – пожал он плечами. – Залить тебе лапшу бульоном?

– Сама справлюсь.

– Дело хозяйское. – Митя взглянул на часы.

– Все-таки обиделся, – вздохнула Таня. – Ладно, не принимай близко к сердцу. Сейчас я уйду, а ты ешь свою рыбу.

Она открыла сумочку, чтобы достать кошелек.

– Что ты собираешься делать? – обеспокоился Митя.

«Запереться в туалете и сменить наконец эту проклятую прокладку», – мысленно ответила Таня.

– Внести свою долю, – произнесла она вслух. – Мы ведь цивилизованные люди. Каждый платит сам за себя.

– Это не признак культуры, это... это... – Не находя от возмущения слов, Митя покраснел, тогда как кончик его носа сохранил восковой цвет.

«Господи, да ведь он мне не просто активно не нравится, он мне просто противен, – пронеслось в мозгу Тани. – Крутить шуры-муры с этим бледноносым? Фи! Ни за какие коврижки».

– Переписка и личное общение не одно и то же, верно? – спросила она примирительно. – Ну познакомились, ну посидели. Это не повод тратиться на глупую бабу, ничего не

смыслящую в морских деликатесах. Тем более что мы находимся в заведении не из дешевых.

– Пустяки, – махнул рукой Митя, и сделал это так небрежно, что Татьяна его даже немножечко зауважала. – Давай не будем говорить о деньгах. – Он накрыл ее руку своей, призывая оставить кошелек в покое. – По-моему, существует немало куда более интересных тем.

О красном перце?

– Например? – спросила Таня, подавив приступ специфической раздражительности в менструальный период.

– Известно ли тебе, какой чай пьют корейцы? – осведомился скрестивший руки на груди Митя. – Полагаю, что нет. Так вот, в Стране утренней свежести давно отказались от потребления чая в чистом виде. Чайные церемонии слишком тесно связаны с буддистскими традициями враждебных государств: Китая и Японии.

– Они враждуют? – догадалась Таня.

– Ага. Еще Ким Ир Сен призвал соотечественников отказаться от «чуждого национальному самосознанию» чая, перейдя на нейтральный кофе или на отвары из ячменя, женьшеня, арахиса, корицы. – Митя поискал взглядом официанта. – Напиток, который я намереваюсь заказать, называется *сэнъганча*, что означает «чай из имбиря».

– Ты, наверное, часто бываешь в этом ресторане? – предположила Таня.

Зрочки Мити заметались, как пара рыбок в аквариуме, в

который запустила лапу кошка.

– Зачем мне тут бывать? – спросил он с деланным равнодушием.

– Так хорошо разбираешься в корейской кухне.

Лесть заставила Митю расслабиться.

– Пустяки. – Он повторил свой эффектный взмах рукой. – Корейских ресторанов в Москве ого-го сколько. Японских и китайских тоже валом. – На лице Мити возникла мечтательная улыбка. – На всю жизнь хватит.

«В сравнении с этим обжорой ты невинное дитя», – сказала себе Таня.

– Официант ждет, – сказала она Мите.

Спохватившись, он сделал заказ, после чего, натянуто улыбаясь, попросил разрешения отлучиться в туалет. Оно было дано с благосклонной улыбкой, а вот разрешения вернуться за стол Митя получить забыл, поэтому в зале так больше и не появился. Расплачиваться за романтический ужин довелось Татьяне, расплачиваться за двоих – на виду у obsługi, собравшейся на шум, поднятый официантом, требующим недостающие сто рублей. Угломился он только после того, как получил взамен новенький калькулятор «Кассиопи». При этом азиатские лица сотрудников «Корейской утки» были традиционно непроницаемыми, но глаза пылали таким негодованием, таким праведным гневом, что еще долго Танины уши сохраняли цвет петушиных гребешков, а на ощупь были раскаленными, словно их нагревали кварцевой

лампой.

Домой она возвращалась пешком, через весь город, припадая на расшатавшийся каблук. Поминала злым тихим словом Митю, ругала себя за доверчивость, предвкушала, как подключится дома к Интернету, войдет на сайт знакомств и удалит данные о себе вместе с фотографией.

Но дома она включила не компьютер, а душ. Струи горячей воды расслабили тело, накопившиеся обиды, переживания отступили на задний план и сделались призрачнее пара, клубящегося над ванной. Спала Таня крепко, и снилось ей что-то хорошее. Утром, несмотря на недомогание, она была бодрой и полной решимости изменить жизнь к лучшему.

Жаль, что так хорошо начавшийся день закончился изнуряющим стоянием в автомобильной пробке. Хотя кто сказал, что день закончился? Он продолжался и был для Тани Токаревой, между прочим, *рабочим*, а не каким-то там еще. И на работу она опоздала.

В офисе выяснилось, что в утреннем заторе застряло не менее трети сотрудников фирмы «Баланс Плюс». Прячась за мониторами, как за щитками пулеметов, они обменивались впечатлениями от пережитого. Младшему экономисту Дарькиной помяли крыло «Опеля». Менеджеру Лепехину, упорно именуящему себя специалистом по консалтингу, пришлось добираться на работу по МКАД, где он был оштрафован за превышение скорости. Бухгалтер Багрянцев потерял в сутолоке документы и страшно переживал по этому поводу, поскольку его отпуск в Турции оказался под угрозой срыва.

Краем уха прислушиваясь к разговорам, Таня открыла папку, в которой хранились финансовые отчеты кондитерской фабрики «Сладомир», но приступить к работе не успела.

– Токареву к Эсфирь Борисовне, – пропела заглянувшая в комнату секретарша.

Эсфирь Борисовна Полуянъ была директором фирмы. Внешне она походила на сильно состарившегося батьку Махно, зачем-то обрядившегося в женское платье, но характер у нее был легкий, отношение к подчиненным – самое демократическое, интеллект высокий, а язык до того остер, что в ее присутствии мужчины старались помалкивать. Тане импонировала Эсфирь Борисовна, и эта симпатия была взаим-

ной. В директорский кабинет она вошла с легким сердцем, приглашение присесть приняла с достоинством, на общие вопросы ответила без запинки.

– А теперь о главном, – сказала Эсфирь Борисовна, глядя почему-то не на собеседницу, а на свои замысловато переплетенные пальцы с коротко стриженными ногтями.

– Слушаю вас, – подобралась Таня.

– Для фирмы начинаются трудные времена, Токарева. Поскольку вы являетесь одним из наших опытейших сотрудников, вы должны понимать это лучше, чем кто-либо другой.

– По правде говоря, не совсем. Если я не ошибаюсь, то за прошлый квартал рентабельность компании выросла на два процента.

– А почему не на двадцать? – желчно осведомилась Эсфирь Борисовна. – Почему не на сто двадцать два?

– Ну, не знаю, – растерялась Таня.

– Вот видите, не знаете. И это говорит Токарева, без пяти минут начальница отдела!

Станный получался разговор, совершенно неожиданный и какой-то беспредметный. Да и выражение лица директрисы было непривычным. Беседуя с Таней, она неотрывно смотрела на свои руки и еле заметно морщилась, словно от зубной боли. Что можно было противопоставить незаслуженному упреку, выдвинутому Эсфирь Борисовной? Все, что пришло Тане в голову, это:

– Я стараюсь.

– Все стараются, Токарева, – прозвучало в ответ. – Но важны не затраченные усилия. Важен конечный результат.

– Я готова отчитаться о проделанной работе, – произнесла Таня дрогнувшим от обиды голосом. – В прошлом месяце у меня было шесть заказов на аудиторские проверки, а в этом...

– Не надо отчитываться, Токарева. И оправдываться не надо. – Прежде чем продолжить, Эсфирь Борисовна встала и подошла к окну. – Вам известно, сколько мне лет?

– Шестьдесят во...

– Молчите! Женщины моего возраста не любят, когда им напоминают такие вещи.

– Но вы сами спросили! – воскликнула Таня уже не просто подрагивающим, а вибрирующим голосом.

– Только для того, чтобы вы поняли, в какое время я жила и работала. У нас в сберкассе на стене висел плакат: «Болтун – находка для шпиона». – Эсфирь Борисовна оглянулась через плечо. Солнечный свет, бьющий сквозь пластины жалюзи, отбрасывал на ее лицо причудливые тени. Как будто директриса из-за решетки с Таней общалась, роняя фразу за фразой. – Это был правильный плакат. Шпионов действительно *хватало*, а болтунов – *хватали*. И участь тех, кто не умел держать язык за зубами, была печальной. Берусь предположить, что настоящих шпионов карали не так строго, как тех, кто разглашал государственную тайну.

Налившаяся румянцем, Таня встала, не чуя под собой ног.

– Эсфирь Борисовна! – звонко произнесла она. – Вы меня в чем-то подозреваете? Вы хотите сказать, что я приторговываю конфиденциальными сведениями о предприятиях? Вступила в сговор с конкурентами или жуликами?

– Да нет же! – воскликнула Эсфирь Борисовна, отвернувшись к окну. – Никто вас ни в чем не обвиняет, Токарева. Я просто объясняю, что жила во времена тотального контроля за каждым. Страх перед НКВД и КГБ у меня в крови. И я ничего не могу с этим поделать, ничего! Я старый человек и остаток жизни хочу провести спокойно. Ясно?

– Нет, – призналась Таня, ощущая себя героиней какого-то сюрреалистического фильма. – У вас ко мне претензии?

– У меня? – Крутнувшаяся волчком Эсфирь Борисовна резко округлила глаза. – Лично у меня к вам претензий нет. Вернее, есть. Масса претензий.

– Но каких?

– Во-первых, вы сегодня опоздали на работу, Токарева!

– А во-вторых? – прищурилась Таня.

– А во-вторых, то же самое произошло в марте, – погрозила пальцем Эсфирь Борисовна. – И в декабре. Три опоздания за неполный календарный год. Не слишком ли вызывающе для ведущего специалиста? Для специалиста, которому я доверяю, как самой себе?

«Она в панике, – поняла Таня. – Ей ужасно не хочется делать мне выговор, но она отчего-то настроена сделать меня

без вины виноватой. Что происходит? Для чего были намеки на КГБ и шпионов?»

— Это все? — собственный голос донесся до нее словно издалека.

— А вам мало, Токарева? — холодно спросила Эсфирь Борисовна.

— Вполне достаточно, — так же холодно ответила Таня. — Я могу быть свободна?

— Ну, в свободе вас, кажется, пока никто не ограничивает. — Реплика была пронизана неожиданным сочувствием.

— Спасибо, Эсфирь Борисовна.

— А вот благодарить меня не за что. Вы уволены, Токарева.

Вот так гром с ясного неба! Таня помотала головой, как будто только что вынырнула из воды и еще не вполне адекватно воспринимала происходящее на поверхности.

— Я не ослышалась? — спросила она.

— Нет, — отрезала Эсфирь Борисовна. И, дождавшись, когда за вспыхнувшей Таней захлопнется дверь, тихо добавила: — К моему величайшему прискорбию.

Слова упали в пустоту, и Эсфирь Борисовна была рада, что в этот момент ее никто не видит и не слышит. Выполнив то, что от нее требовалось, она постарела сразу на десяток лет. Вскоре морщины разгладятся, а шрам на сердце останется навсегда. В чем, в чем, а в этом Эсфирь Борисовна не сомневалась. Как и в том, что ее бывшую сотрудницу Таню Токареву ожидают новые и куда более серьезные неприятно-

СТИ.

Глава 4

Идеальная кандидатура при всех присущих ей недостатках

1

Три дня спустя, в понедельник, собираясь на собеседование в компанию «Аудит-консалтинг», Таня приложила ладони к ушам и ощутила, что они пылают. Другим сигналом о том, что кто-то ее вспоминает, была икота, испортившая поутру настроение и аппетит за завтраком.

Суеверие? Бесспорно. Однако персона Татьяны Токаревой действительно находилась в центре внимания.

Пятеро солидных, умудренных опытом, преисполненных ответственности и наделенных властью мужчин сосредоточенно разглядывали ее фотографическое изображение. Разглядывали молча, не отрываясь. Пять пар мужских глаз были абсолютно разными, но имелось кое-что общее, объединяющее их. Одинаковое выражение. Они смотрели пристально, внимательно, оценивающе.

Таня была хороша собой, однако же неписаная красавица в привычном смысле этого слова. Обычная земная женщина. Не отчужденно-холодная кинозвезда, не крученая-рас-

крученная певичка и, уж конечно, не топ-модель со страусиным телосложением. И все же вряд ли какая-либо поп-дива могла бы похвастаться таким повышенным интересом мужчин к своей персоне. Даже если бы ее фотография красовалась на обложке «Плейбоя».

– Мне нравится, – нарушил молчание тот, кто восседал во главе длинного дубового стола, покрытого плотным зеленым сукном.

Скатерть выглядела старомодно, но уж такого стиля придерживался хозяин кабинета. Консервативный во всем, он и ближайшему окружению не давал поблажек. Никаких новомодных галстуков, полосатых сорочек или узконосых туфель. Классические темные костюмы, белые рубашки, сдержанные жесты, приглушенные голоса. Самому молодому из собравшихся было за пятьдесят, так что никого подобные ограничения особенно не угнетали. В кабинете собирались не нарядами щеголять, не дорогими аксессуарами кичиться. Тут работали. Вершили дела государственной важности.

– Прошу высказываться, гм, – произнес хозяин кабинета, переводя тяжелый взгляд с портрета Токаревой на присутствующих.

Во фразе ощущалась какая-то незавершенность. Так оно и было. Генерал-майор Молотов еще живо помнил те времена, когда в его кругах бытовало обращение «товарищи». Что касается «господ», то они в Федеральной службе безопасности отчего-то не прижились, как не прижились на Лубянке

прочие демократические веяния. По правде говоря, ветераны до сих пор не свыклись с видоизмененной аббревиатурой своего учреждения. Даже двадцать лет спустя оно оставалось для них Конторой с большой буквы.

КГБ – так это звучало прежде. Простенько, но со вкусом. На Западе по сей день ненавистное трехсложное словосочетание без запинки выговаривать не научились. Шипят: «кей-джи-би, кей-джи-би», а сами невольно озираются.

Смешной народ. Чего озираться? Не существует больше ни знаменитых лубянских подвалов, ни мрачных лубянских тайн. Все открыто, все на виду: по Главному управлению экскурсанты гуськом бродят, длинные носы чуть ли не в сейф директора суют. Суйте на здоровье. Вынюхивайте сколько влезет. Все равно ничего сенсационного не обнаружите. Потому что главное не на площади Дзержинского происходит, а вдали от чересчур любопытных носов, глаз и ушей.

Например, на территории так называемого «Загородного объекта № 101». С виду – весьма скромная по нынешним временам дача. В действительности – секретный командный пункт Конторы. *Ближний свет* – как именовали его в неофициальных разговорах. Расположенный в тринадцати километрах от Главного управления, КП являлся идеальным местом для руководства невидимым фронтом.

– Мне было поручено исследовать психотип Токаревой, – четко, по-военному начал доклад пожилой мужчина в сером костюме, как нельзя лучше подходящем к его ничем не примечательной наружности. Острому, пронзительному взгляду докладчика позавидовал бы сам Мессинг, однако дымчатые очки позволяли ему ничем не выделяться из общей массы, для чего они, собственно, и носились. Зрение у докладчика было отменное, а аналитические способности – прямо-таки уникальные.

– Изучение выявило следующее... – Владелец дымчатых очков сделал паузу, подчеркивая важность того, что собирался поведать собравшимся. – Нервная система Токаревой полностью соответствует заданным параметрам. Из пяти претенденток она обладает наиболее стабильной психикой. Поразительная устойчивость к воздействию внешних факторов. Исключительная способность самовосстанавливаться после шокотерапии...

– Поразительная, исключительная, – проворчал генерал Молотов. – С каких пор мы оперируем восторженными эпитетами вместо профессиональных терминов?

– Извините, Мирослав Михайлович. Я просто хотел изложить суть как можно более доходчиво.

– Вы не перед первоклашками выступаете, полковник

Крейцеров. И не перед телевизионной аудиторией с ежегодным посланием. – Генерал пристукнул кулаком по столу. – Перед вами специалисты, так будьте же любезны общаться с ними языком цифр и фактов, без этих ваших уси-пуси.

«Уси-пуси» было одним из любимых выражений Эмэм-эма, как величали в управлении Мирослава Михайловича Молотова (конечно, в его отсутствие и вполголоса, а еще лучше – шепотом). Но боже упаси принять генеральское «уси-пуси» за сюсюканье или призыв установить панибратские отношения! Жди тогда грома и молний! Вспышки гнева Молотова были столь же яростны, сколь внезапны.

Торопясь реабилитироваться, Крейцеров перешел на бойкую скороговорку. Но не успел он нарисовать и трети психологического портрета Татьяны Токаревой, как был остановлен властным окриком:

– Вам бы рекламным агентом работать, милый мой. Про-моутером при пиар-агентстве. – Молотовский кулак вторично испытал стол на прочность. – Распространяться о достоинствах претендентки считаю непродуктивной тратой времени. Поскольку мы ею заинтересовались, – Молотов кивнул на фото, – то, стало быть, того заслуживает. Или нет?

Собравшиеся дружно взглянули на изображение Токаревой. Верный своим принципам, Молотов пользовался компьютерной техникой лишь в самых исключительных случаях. Вот и сейчас цифровые фотографии были превращены в слайды, которые проецировались на белый экран посред-

ством допотопного кинескопа. Исполняющий роль кинемеханика майор Валуев беспрестанно вытирал потеющие ладони о штанины. Однажды в ходе подобного сеанса вставленная пленка просто расплавилась от жара лампы, и Валуев опасался повторения конфуза. В тот раз он отделался строгим выговором. Но чего ждать от непредсказуемого шефа сегодня?

– Вы мне минусы давайте, полковник, – нарушил тишину Молотов. – А то у вас какая-то примитивная арифметика получается. Пять с плюсом пишем, пять с плюсом в уме.

– Минус на минус тоже дает плюс, – дерзко заявил Крейцеров. Иногда он мог себе это позволить. Знатоков человеческих душ, подобных ему, в управлении было раз-два и обчелся.

Похоже, генерал Молотов вспомнил об этом и решил не перегибать палку. От натянутой улыбки щетка его седых усов растянулась во всю ширину крупного лица.

– В нашем деле такая математика не работает, – хохотнул он, предлагая присутствующим немного повеселиться и расслабиться. – У нас минусы так минусами и остаются, сколько их ни плюсуй. – Генеральское лицо затвердело, словно отлитое из бронзы. – Мне негатив подавай. Отрицаловку.

При упоминании негатива майор Валуев встревоженно посмотрел на заправленную в кинескоп пленку, но слово «отрицаловка» его успокоило. На профессиональном жаргоне это означало не что иное, как «отрицательная информа-

ция». Один из трех китов, на которых зиждется любая разведслужба мира. Без компрометирующих сведений человека не завербуешь, не припрешь к стенке, не нанесешь выверенный удар по уязвимому месту. Крейцерову это было известно не хуже, чем кому-либо из коллег, поэтому он не заставил себя упрашивать.

– Подсознательные и сознательные страхи, они же фобии, – провозгласил он, откашлявшись.

– О! – воздел палец Молотов. – А то прямо серенады получают вместо объективной характеристики, полковник. – Он покосился на фотографию Токаревой и досадливо щелкнул языком. – Хотя, признаться, жаль будет расставаться с иллюзиями. Ишь, глазищи у чертовки! Что ж ты смотришь так синими брызгами? – Молотов нахмурился. – Откуда это? Чьи слова?

– Есенин, – подсказал Валуев.

– Есенин? Опять лирика, понимаешь! Мы тут не лирикой занимаемся, а прозой жизни. Вот и излагайте соответствующим образом.

– Итак, гм, фобии, – повторил Крейцеров, решив не реагировать на незаслуженную критику. – У Токаревой их выявлено пять.

– Угу, – кивнул Молотов, приготовившись загибать пальцы.

– К первой группе относится всевозможная зоологическая живность, как то: мыши, крысы, тараканы, пауки, ля-

гушки, жабы, змеи. По-латыни: музофобия, земмифобия, акарофобия...

– С этим ясно, полковник. Обычные бабские штучки.

– Далее, по убывающей, следуют акрофобия и скотофобия.

Молотов вскинул брови:

– Коров боится?

– Высоты и темноты, – осторожно поправил начальника Крейцеров. – Скотофобия – латинский термин. Дословный перевод: «мракобоязнь».

– Мракобесие, – пробормотал Молотов. – Ох уж эти женщины!.. Что у нас дальше?

– Дальше физиология. Боязнь старения, или геронтофобия...

– Угу.

– И целлюлофобия.

– Как-как? – Прекратив загибать пальцы, Молотов застыл с оттопыренным мизинцем.

– Целлюлофобия, – произнес полковник Крейцеров по слогам. – Боязнь целлюлита.

– Что это такое?

– Эффект апельсиновой кожуры, – подал голос до сих пор помалкивавший мужчина с такой белоснежной и пышной шевелюрой, что издали его голова казалась покрытой хлопьями мыльной пены. – Моя супруга...

– Погодите вы со своей супругой, Дружинцев, – помор-

щился Молотов. – Про эффект поясните. В чем он заключается?

– При целлюлите кожа становится похожей на апельсин, – отрапортовал Дружинцев. – На филейных, извиняюсь, частях тела.

– Бич современных женщин, – вставил Крейцеров.

– Погодите, погодите, – нахмурился Молотов. – Это что же такое получается? Оранжевеют они, что ли? Как те щирые украинцы с майдана?

– Меняется не цвет кожи, меняется ее фактура, – успокоил генерала Дружинцев.

– Почему? – осведомился тот.

– Биология, – развел руками Крейцеров. – Неправильный обмен веществ, малоподвижный образ жизни.

– Так вот, оказывается, какая его хворь одолела, – протянул Молотов. – Ну, гаранта украинского, который в одиночасье рябым стал. А он: диоксин, диоксин. Сказал бы прямо: целлюлит одолел. Факт налицо. *На лице*, я бы сказал.

– Это сугубо женское заболевание, – осторожно заметил Крейцеров. – Хотя аналогия с внешностью помаранчевого лидера прослеживается. – При запущенных формах целлюлита женские ляжки, бедра и ягодицы выглядят, как будто изъеденные оспой. Критическим считается бальзаковский возраст, но некоторые женщины начинают страдать от целлюлита уже в тридцать лет, а то и раньше.

– Вот так новости! – воскликнул Молотов, яростно ввин-

чивая мизинец в оба уха поочередно. — Только этого нам для полного счастья не доставало! Сколько лет Токаревой?

— Тридцать два, — дал справку пятый участник совещания, некто Швец, иссеченный до того глубокими морщинами, что их можно было принять за боевые шрамы.

— У нас есть ее снимки в полный рост? — спросил Молотов у Валуева.

Тот умудрился вытянуться по струнке, не вставая со стула:

— Так точно, товарищ генерал!

— Товарищей давно в расход пустили, майор, сколько раз повторять можно? Нет у нас больше товарищей. Усвоил?

— Так точно, — преданно выпучил глаза Валуев.

— Давай картинку. — Молотов нетерпеливо щелкнул пальцами. — Да не эту, майор, не эту! В купальнике она зафиксирована? Угу. А то устроили тут, понимаешь, демонстрацию неизвестно чего.

В кабинете опять воцарилась тишина. Было слышно только, как лают за окнами овчарки да сосредоточенно сопят офицеры ФСБ, изучая очередной кадр, высветившийся на экране.

Токареву сфотографировали выходящей из моря, на многолюдном пляже, но так, что ее не заслоняли тела и головы отдыхающих. Высококачественный цифровой снимок позволял рассмотреть мельчайшие детали, вплоть до крохотной капельки, мельчайшей родинки и шрама на правой половине живота.

– Аппендицит, – тихо прокомментировал Дружинцев. – Как у моей супруги.

– Видим, что не бандитский нож, – буркнул Швец.

– Главное, что целлюлита не наблюдается, – подвел черту Молотов. – Ни малейших признаков цитрусовой заразы.

– Апельсиновой...

Валуев произнес это одними губами, но, на свою беду, был услышан. Смерив его тяжелым взглядом, Молотов снова посмотрел на экран.

Ему определенно нравилось то, что он видел перед собой. Солнечные блики и густые тени придавали загорелому телу Токаревой объем и контрастную колоритность. Не худая и не полная, она не подозревала о том, что ее фотографируют, и не позировала, отчего осанка ее была преисполнена непринужденной грации. Мокрые волосы Токаревой сверкали на солнце, как смоль, прозрачная голубизна затененных глаз ассоциировалась с какими-то драгоценными камнями, назва-

ние которых Молотов никак не мог выудить из необъятных архивов памяти. Не изумруды, не топазы и уж, конечно, не рубины, однозначно. Но тогда что? Как называются эти проклятые камни?

Алмазы – пришло на ум. Ничего общего с алмазами глаза Токаревой не имели, однако удивляться подобной ассоциации не приходилось. Уже давно мозг Молотова был занят мыслями о сокровищах, вывезенных из России, и способах их возвращения на историческую родину. Исполнить эту миссию предстояло Татьяне Токаревой, после чего ее...

Гоня от себя неприятные мысли, Молотов скользнул взглядом по желтому, в черную полосу купальнику. «Расцветка осиная, да и талия, гм, вполне, – решил он. – Живот не плоский, как доска, а выпуклый, причем в меру. Ноги чуточку коротковаты, но это, наверное, потому, что она босиком, а не на высоких каблуках. Все без обмана. Женщина, как она есть. Такая хорошо смотрится и в строгом деловом костюме, и в открытом купальнике, и в наряде восточной танцовщицы. Тыфу ты, прости господи! О чем я думаю, старый охальник? Не для танцев живота сотрудницу подбираем. Не шуры-муры с ней разводить. Обречена Татьяна Токарева. Используем ее и ликвидируем за ненужностью. Наша служба и опасна и трудна».

– Меня смущает цвет глаз, – молвил Молотов. – Слишком яркие. Как в том стихотворении... Твои глаза, м-м, сапфира два, два голубых, м-м, сапфира... – Заметив быстрые

полуулыбки, которыми обменялись подчиненные, Молотов постучал кулаком по столу. – Попрошу не отвлекаться. Мы с вами не на вечере поэзии находимся, понимаешь, а на рабочем совещании. Вопрос серьезный. Если мне не изменяет память, у Катерины Шарко глаза были серо-голубые, а мы имеем почти что синие. Не порекомендовать ли Токаревой ношение контактных линз?

– Такой необходимости нет, – уверенно произнес Дружинцев. – Вы видели не слишком качественную фотографию Кати Шарко. На самом деле цвет глаз почти идентичный. Кроме того, столько времени прошло. Девушка повзрослела, изменилась...

«Мы извлекаем ее из небытия, чтобы использовать в своих целях, а потом отправить обратно, – подумал Молотов. – Не операция, а спиритический сеанс какой-то».

– Другие снимки в досье имеются? – громко осведомился он, заглушая набирающий силу голос совести.

– Тот же пляж, другой ракурс, – встрепенулся Валув, меняя слайд. – Фотографии были сделаны на украинском побережье Черного моря в начале нынешнего лета. Пансионат «Эльтиген» в поселке Героевское. Традиционное место отдыха Токаревой. Между прочим, это совсем рядом с местом проведения операции. Конечный пункт маршрута сразу за Керченским проливом, рукой подать. – Валув с задумчивым видом поскреб подбородок. – Случайное совпадение? Или судьба?

– Гадать об этом будете в свободное от службы время, майор, – громыхнул Молотов. – На кофейной гуще или картах – это как вам заблагорассудится. Я же хочу слышать факты. Вам есть что добавить по существу?

– Так точно, – промямлил Валуев. – Токарева всегда берет отпуск в последних числах мая.

– Почему? Любит холодную воду?

– Не могу знать.

На выручку смешавшемуся соратнику пришел Швец.

– Молодежь в это время сдает экзамены, – пояснил он, – так что на Крымском побережье тихо, малоллюдно, чисто, да и ловеласы еще не так донимают. Если не считать редких периодов активности, Токарева избегает мужского общества. На то имеются объективные причины...

Тут Швец, оборвавший доклад на интригующей ноте, многозначительно накрыл ладонью канцелярскую папку, обтянутую красным пупырчатым дерматином. Идентичные папки лежали на столе перед всеми участниками совещания. Скользя по ним взглядом, Молотов взглянул на экран.

Вторая фотография была не так эффектна, как предыдущая. Татьяна Токарева была снята со спины, вполоборота к объективу. Приготовившись наклониться за полотенцем, она застыла в позе, далекой от изящества.

– Не грузновата ли нижняя половина? – спросил Молотов. – Насколько она соответствует заданным пропорциям?

– Не забывайте, что в последний раз Шарко видел жену

около десяти лет назад, — ответил Дружинцев. — Теперь она, так сказать, повзрослела и, соответственно, видоизменилась. Возьмем хотя бы стопу. — Прихватив ручку, он поднялся с места и приблизился к экрану, чтобы указать на упомянутую часть тела. — Удалось выяснить, что Катя носила тридцать пятый размер обуви, а у Татьяны тридцать седьмой, но такое увеличение естественно с возрастом. Не должно смущать нас и то, что ноги подсадной утки на пару сантиметров короче, чем у оригинала. — Дружинцев черкнул по экрану импровизированной указкой, а плоская черная тень продублировала это движение. — Высокий каблук компенсирует разницу. То же самое касается роста.

— Рост Катерины Шарко — сто семьдесят три сантиметра, а мы имеем ровно сто семьдесят, — отметил Крейцеров.

— Учтите, — улыбнулся Дружинцев, — что муж Кати уже тогда был не мальчиком и все это время не молодеел, не вверх тянулся, а уменьшался, проседал вместе с хрящами своего позвоночника. Если он и заметит разницу, то она покажется ему незначительной. Главное, что общие параметры обеих фигур совпадают... Чтобы наглядно проиллюстрировать это, хорошо бы сменить кадр.

— Действуйте, майор, — разрешил Молотов.

Валуев провернул колесико кинескопа. На экране возник фотомонтаж: две женские фигуры в полный рост, снятые при разном освещении, с разных дистанций, но подогнанные таким образом, что кадр можно было использовать в качестве головоломки «Найдите 10 отличий на картинках».

Отличий хватало. Левая фигура принадлежала молодой жене Шарко, пропавшей без вести в конце прошлого века. Справа была изображена Татьяна Токарева, живая и здоровая.

«Пока», – уточнил про себя Молотов.

– Телосложение в обоих случаях правильное, – сказал Дружинцев. – Фигура женщины считается пропорциональной, если обхват талии на 24 сантиметра меньше обхвата бедер, объем бедер приблизительно равен объему груди, а окружность талии равна росту в сантиметрах минус 102. Что мы и наблюдаем. – Ручка Дружинцева плавно обрисовала линию бедер Токаревой и устремилась вверх, изобразив на уровне чашечек купальника нечто вроде математического знака бесконечности. – Иными словами, женщина ростом метр семьдесят сложена правильно, если обхват ее талии равен 68 сантиметрам, а груди и бедер – 92.

Молотов, произведший в уме аналогичные арифметические вычисления, скептически хмыкнул:

– Катерина была манекенщицей, и это сразу бросается в глаза. Что касается Токаревой, то она... как бы это выразиться... менее изящна.

– Разница незначительна, – возразил Дружинцев. – В позапрошлом месяце Токарева обратилась в больницу с ОРЗ и была направлена на обследование в кабинет рентгенографии. Разумеется, мы воспользовались этой возможностью, чтобы снять интересующие нас параметры.

– Было бы странно, если бы вы не удосужились это сделать, – проворчал Молотов. – И что за цифры мы имеем?

– Девяносто четыре, семьдесят, девяносто три. – Казалось, числа выскакивали из Дружинцева неудержимо и звонко, как монеты из игрового автомата. – В полном соответствии с естественным увеличением объемов на три миллиметра ежегодно. Примерно так выглядела бы Катерина Шарко в этом возрасте, если бы сошла с подиума. – Ручка описала на экране окружность, условным центром которой послужил пупок Токаревой. – Достаточно сбросить пару килограммов, и получится идеальный вес.

– Семьдесят? – предположил Молотов.

– Шестьдесят восемь половиной, – ответил Дружинцев, питающий пристрастие к абсолютно точным цифрам.

Повинуясь властному жесту генерала, он отвесил дирижерский полупоклон и, оправляя на ходу пиджак, вернулся на место.

– Ну, – заключил Молотов, – внешняя оболочка подходя-

щая. А что насчет внутреннего содержания?

– Как обычно, проблемы, – сказал Швец.

– Серьезные? – насторожился Молотов.

– Преодолимые. При благоприятных обстоятельствах.

– Излагайте, подполковник.

– Слушаюсь. – Прежде чем приступить к докладу, Швец открыл папку и пробежал взглядом по первой странице. – Итак, – произнес он, – сексуальная жизнь претендентки. Активной ее не назовешь, скорее наоборот. Последняя половая связь осуществлялась три года назад, до этого был двухлетний перерыв, дальше снова затишье вплоть до студенческой поры.

– От сессии до сессии живут студенты весело, – изрек Валуев, после чего, пронзенный бешеным взглядом генерала, стушевался, потупился и залепетал какие-то оправдания.

– Выключите свой волшебный фонарь и помалкивайте, майор, – перебил его Молотов. – Вот дойдет до вас очередь, тогда и блеснете красноречием. И советую вам впредь хорошенько взвешивать каждое слово, прежде чем оно будет произнесено. Терпеть не могу пустопорожнюю болтовню. У некоторых превратное представление о студенческой жизни. – Тяжелый генеральский взгляд давал ясно понять, кто скрывается под определением «некоторые». – Большинство из присутствующих здесь офицеров начинали службу в МГИМО, и что же? Они там веселились у себя на факультете? Хохотали до упаду? Сыпали прибаутками? Отнюдь.

Будущие контрразведчики учились и работали, работали и учились. Вот так обстояли дела, товарищи. – Произнеся крамольное обращение, Молотов слегка покраснел и, скрывая смущение, направил разговор в изначальное русло. – Что там с сексуальной жизнью Токаревой? Отклонения? Комплексы?

Швец лишь улыбнулся. Его профессиональный опыт свидетельствовал о том, что людей без отклонений и комплексов не существует в природе. Это настолько распространенное и универсальное правило, что его-то и следует рассматривать в качестве нормы.

Прежде чем изложить суть проблемы, Швец перечислил основные отличия женских сексуальных фантазий от мужских, остановился на синдроме «жертвы насилия» и пояснил, в чем суть «проститутизированной» среднестатистической женщины.

– Причина кроется не в развращенности натуры, – подчеркнул Швец, – а в стремлении преодолеть чувство стыда и немного скрасить будничные секс, вот и все.

«Вот и все, – сердито подумал Дружинцев. – Черт знает что. Поди разбери, о чем фантазирует твоя супруга, пока ты из кожи лезешь, чтобы доставить ей удовольствие».

– Н-да, не зря говорят, что чужая душа – потемки, – констатировал Молотов. – Особенно женская.

– Ну, мы, мужчины, тоже хороши, – сказал Швец. – Да и фантазии наши куда примитивнее, грубее. Женщины склонны романтизировать обстановку и партнеров. Им труднее, чем нам, примириться с реальностью, в которой супруги редко бывают красивыми, богатыми и утонченными. Это касается и нашей подопечной. – Швец положил перед собой лист бумаги с убогим текстом. – В мае месяце нынешнего года Татьяна Токарева посетила цикл практических занятий «Измени свою судьбу к лучшему». Обычное дело. Многие уповают на помощь современных чародеев-экстрасенсов, а в

результате сталкиваются...

– С шарлатанами, – подсказал Валуев.

– Случается и такое, майор, – снисходительно кивнул Швец. – Но Токарева встретилась на курсах с *нашим* специалистом.

– Тоже обычное дело, – хмыкнул Крейцеров. – Сеанс гипноза для избавления от вредных привычек?

– В данном случае для выработки целеустремленности и уверенности в себе, – улыбнулся Швец. – А под гипнозом Токарева выложила всю свою подноготную, не подозревая об этом. Зачитывать выдержки из стенограммы считаю нецелесообразным, поскольку они носят весьма интимный характер. – Он аккуратно закрыл папку. – Если вкратце, то мы имеем дело с типичным случаем сексуальной неудовлетворенности. Татьяна Токарева фригидна, товарищ генерал.

– Это излечимо? – обеспокоился Дружинцев.

– Все зависит от того, встретится ли ей на жизненном пути мужчина, который сумеет разбудить в ней угасшие чувства.

– Прекратите балаган! – громыхнул Молотов. – Тоже мне, нашли спящую царевну! Никого и ничего будить не надо, ясно? Секретный сотрудник, равнодушный к сексу, это же уникальная находка! – Молотов возбужденно потер ладони. – Ни тебе вздохов при луне, ни сентиментального соплежуйства, ни прочих уси-пуси. Фригидность для нашей сотрудницы – щит, броня. Ее не соблазнит какой-нибудь залетный Джеймс Бонд, она не забудет о деле в самый ответственный

момент...

– Тем более, – тихо вставил Крейцеров, – что мы обсуждаем кандидатуру... э-э... одноразового употребления.

Все поняли, что имеется в виду. На кон было поставлено слишком многое, чтобы рисковать. После завершения дела всех трех исполнителей предполагалось ликвидировать. И Токареву, и двух наемников мужского пола, привлеченных Федеральной службой безопасности. Собственные кадры были слишком малочисленны и ценны, чтобы жертвовать ими, как проходными пешками. Залетные искатели приключений – другое дело. Доставят груз, и поминай как звали. Концы в воду. Скорее всего, в буквальном смысле.

Практика привлечения исполнителей на стороне была неофициальной, как и дела, которые им поручались. Бывшие разведчики, десантники, спецназовцы различных родов войск – все они охотно соглашались поработать на ФСБ, если плата была достаточно высока. Счастливики докладывали об успешном выполнении операции и действительно получали заранее оговоренное вознаграждение. Неудачников ожидала пуля в затылок, бандитская заточка в подворотне или автокатастрофа.

Кому как повезет. Точнее, кому как не повезет.

Все началось около пяти лет назад, когда директор ФСБ распорядился создать при Главном управлении новое подразделение, получившее название ОСА: Отдел специального аудита. Задача перед ним стояла предельно сложная и вместе с тем очень простая. Сотрудникам предстояло отслеживать финансовые потоки, вытекающие из России за рубеж, выявлять все «левые», «мутные», перекрывать их, останавливать и направлять обратно.

Поначалу новоиспеченные аудиторы испытывали острую нехватку профессионального опыта, однако генерал Молотов, курировавший отдел, взялся за дело с размахом. Произнес историческую фразу: «Не время разбрасываться кадрами, а время собирать их», он привлек к работе лучших экономистов, бухгалтеров и аудиторов, переманивая их из коммерческих структур, налоговой службы и милицейского управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Отметив успехи отдела, высшее руководство значительно расширило как полномочия молотовцев, так и сферу их деятельности. Отныне половина сотрудников занималась предотвращением незаконного вывоза валюты, а другая половина разыскивала и брала под контроль ту предприимчивую публику, которая успела сбежать с награбленным за рубеж.

Основатели финансовых пирамид, расхитители бюджетных средств, ненасытные нефтепийцы и газососы, олигарховатые коррупционеры, фальсификаторы и аферисты всех мастей напрасно полагали, что иностранное гражданство и кордоны защитят их от карающего меча правосудия. Многие уже находились под прицелом ФСБ, остальных отыскивали в самых отдаленных уголках планеты и заносили в соответствующие реестры. По самым скромным подсчетам, изъятие незаконно присвоенных средств могло обогатить российскую казну на миллиарды долларов, хотя оптимисты предпочитали вести счет на десятки и даже сотни миллиардов.

Стоп, сказал себе Молотов, когда система заработала, постепенно набирая обороты. А почему я должен заботиться исключительно о государственной казне, тогда как и у меня, и у моего окружения, и у начальства тоже имеются запросы, бюджеты, расходы и потребность в оборотных средствах? Пусть личные, но разве не об отдельно взятых личностях печется демократия? И вообще сколько можно завидовать вограм, казнокрадам и приватизаторам, которые живут припеваючи, тогда как слуги отечества если не в нищете прозябают, то и сырами в масле не катаются?

И состоялись негромкие обстоятельные беседы – в русских баньках, на охоте, на рыбалке, под шашлычки, под водочку, а то и просто так, во время прогулок по безлюдным шоссе, на разумном отдалении от служебных автомобилей с дремлющими шоферами. И было принято решение про-

должать самоотверженно бороться с расхитителями государственной собственности, но экспроприированные богатства возвращать не в полном объеме, а часть оставлять и делить между собой. Каждый труд должен быть вознагражден. И если отчизна не в состоянии позаботиться о своих верных защитниках, то они сами позаботятся о себе.

Нечестно? Противозаконно? Зато справедливо.

Дело Шарко было как раз из этой оперы, не нуждающейся в широкой огласке и сопроводительной шумихе. Двух опытных, отчаянных мужиков, готовых проверить авантюру, нашли без особого труда, поскольку эта неразлучная пара – Олег Белан и Иван Долото – не раз подряжалась послужить чекистам не за страх, не за совесть и даже не за высокие награды, а за презренный металл. Оба являлись профессионалами высочайшего класса, оба окончили Рязанское училище спецназа ГРУ, но это было в прошлом; в настоящем Белан и Долото являлись сугубо штатскими людьми, зарабатывающими на жизнь в меру своих сил и возможностей, а сил и возможностей у них хватало.

К сожалению, для проведения намеченной операции опыта и сноровки обоих было маловато. Требовалась исполнительница женского пола, причем соответствующая жестким параметрам. Отыскать ее оказалось задачей не из легких. Например, одна из претенденток походила на Катерину Шарко еще больше, чем Татьяна Токарева, однако она была проституткой, а привлечь продажную особу в ФСБ не рискнули,

опасаясь, что она будет подкуплена, перекуплена или просто поведет себя неадекватно в силу своей маргинальной психологии.

Беда с этими бабами! Капризны, мнительны, непредсказуемы, глупы и безалаберны. Однако обойтись без них в щекотливых вопросах невозможно. Женщине проще сблизиться с объектом, втереться к нему в доверие, выведать тайны, отвести глаза, заморочить голову, очаровать, перехитрить, пустить в ход тысячи коварных уловок, облапошить, запутать следы. Когда, наконец, подходящая кандидатура была подобрана, Молотов уделил ей самое пристальное внимание. К слежке за Татьяной Токаревой были привлечены лучшие оперативные работники. Малейший просчет, нелепая осечка – и результаты подготовки операции пойдут насмарку.

Выслушав мнение специалистов, Молотов все еще колебался, сознавая ответственность за принятие окончательного решения. Остальные участники совещания тоже не пришли к единому мнению.

– И все-таки сомнительно, – покачал головой Крейцеров. – Никогда не знаешь, чего ожидать от агента в юбке... Попадет вожжа под хвост, и пиши пропало. Невозможно предугадать, какой фортель выкинет женщина.

– Мужчины тоже достаточно непредсказуемы, – вступился за Токареву Швец. – Алкоголь, наркотики, секс. Зачастую женщины устойчивее к различного рода искушениям.

– Вспомним, например, Мату Хари, – подал голос Валуев. И тут же попал под прицел всевидящих генеральских глаз.

– Опять вы поперед батки в пекло, майор, – зловеще произнес Молотов. – Опять у вас язык чешется, понимаешь. Что ж, послушаем. Докладывайте, майор. На каком этапе оперативная разработка? Когда я смогу воочию полюбоваться нашей... – Молотов покосился на экран. – Нашей будущей сотрудницей? Долго вы еще будете с ней возиться?

– Завтра, в крайнем случае послезавтра она предстанет перед вами, – пообещал Валуев. – Ей искусственно создан острейший кризис одновременно на двух уровнях: как на профессиональном, так и на личном. До недавних пор я по-

думывал о том, чтобы вторгнуться в чисто бытовую сферу жизни Токаревой, однако, проанализировав ее психологические качества, решил ограничиться достигнутым.

– Поясните мотивы, – потребовал Молотов.

– Допустим, в квартире Токаревой прорвет трубу, – сказал Валуев. – Или ее залиют соседи, или ограбят квартирные воры, или просто откажут дверные замки... Чего мы этим добьемся? Глубочайшей депрессии и полного разочарования жизнью. Между тем Токарева и без того находится на грани срыва. – Валуев заглянул в свою папку. – Об этом свидетельствует контрольное прослушивание. После возвращения домой из корейского ресторана приблизительно до нуля часов тридцати минут Татьяна Тихоновна громко рыдала, а когда немного успокоилась, произнесла следующую фразу: «Дожила, старая вешалка. Никому ты не нужна. Неудачница». В несколько иной интерпретации та же мысль была высказана после увольнения с работы, по-видимому, перед зеркалом. Токарева вновь обозвала себя неудачницей и добавила: «Так мне и надо». – Валуев сделал паузу, после чего заключил: – До суицидального синдрома далеко, но перегибать палку все же не следует.

– Как собираетесь действовать дальше? – спросил Молотов, обдумав услышанное.

– Очень просто, – оживился Валуев. – Токарева осталась без работы, личная жизнь не налажена, ее угнетает комплекс неполноценности и неуверенность в завтрашнем дне. Завтра

с утра у нее собеседование, в ходе которого будет нанесен еще один удар по ее самолюбию.

– И что дальше? – прищурился Молотов.

– А дальше на сцену выходят будущие напарники Токаревой. Пусть вовлекают.

– Случайное знакомство?

– Разумеется.

– Вы уверены, что она пойдет на контакт?

– Не могу знать, – посерьезнел Валуев.

– Плохо, – произнес Молотов. – Ему поручили важнейшую оперативную разработку, а он, понимаешь, не может знать. Кто же тогда знает? И где гарантии, что Токарева нас не подведет?

Слово взял полковник Крейцеров.

– Более достойной кандидатуры нет, – твердо заявил он. – Токарева одинока, не обременена семейными обязанностями и заботой о детишках. У нее нет близких друзей, что исключает утечку информации. У нее нет также собаки, кошки и даже аквариумных рыбок, которые могли бы воспрепятствовать командировке. Внешность, фактура, манеры – все на должном уровне. А некоторая, гм, сексуальная холодность служит лучшей страховкой от всякого рода неожиданностей.

– Она неопытна, – напомнил Молотов.

– Поднатаскаем, – пообещал Дружинцев.

– Не может – научим, не хочет – заставим, – вставил

Швец.

– Что ж, на том и порешим, – с облегчением сказал Молотов, стукнув по столу обеими ладонями. – Вы меня убедили. Осталось последнее. Под какой кличкой будет проходить у нас агент?

– «ТТ», – предложил Дружинцев. – Татьяна Токарева. Два «Т».

– Тогда уж три «Т», – сказал Молотов. – Ведь ее отчество Тихоновна?

– Так точно, но я намекаю на пистолет, – пояснил Дружинцев, – на «тульский токарёв». Татьяна Токарева должна стать нашим надежным и безотказным оружием.

– Отставить! – рявкнул Молотов. – Никакого огнестрельного оружия, равно как и холодного, ей не полагается. Даже слышать об этом не желаю. Красивая, хрупкая, интеллигентная женщина, а вы: пистолет!

– Тогда оса, – пробормотал Валуев.

– Что вы там бормочете себе под нос, майор? Говорите громче!

– Оса, товарищ генерал.

– Гм, звучит неплохо, – произнес Молотов. – И женского рода. Но будет ли приятно Токаревой носить осиный псевдоним?

– А мы ей расшифруем, – улыбнулся Валуев. – Скажем, что «оса» означает «особо секретный агент».

– Годится, – согласился Молотов, вставая.

Никто не подсказал ему, а сам он упустил из виду, что уместнее было бы окрестить избранницу пчелой, которая погибает, пустив в ход жало. Осы способны жалить неоднократно. Для Татьяны Токаревой такая возможность предусмотрена не была.

Глава 5

Ваше благородие, госпожа неудача

1

Женщина была довольно привлекательна, лет тридцати, подтянутая, со вкусом одетая, в меру покрашенная. Густые черные волосы с рыжинкой на концах свободно спадали на плечи, обрамляя строгое лицо. Она выгодно отличалась от кокетливых, помешанных на осветлении и мелировании блондинок, что наводнили планету. Эта женщина была не только симпатична, грациозна и естественна, она излучала внутреннюю силу и обаяние. Глаза у нее были ярко-голубые, но не кукольные, а умные, внимательные, ясные.

«Интересно, где она загорала? – подумал Кандидов. – И в каком купальнике? Представляю, как эффектно смотрятся полосы белой кожи на ее бронзовом теле. Или их нет вовсе, этих полосок?»

Мысленно обругав себя за любопытство, столь далекое от профессионального, Кандидов открыл папку с резюме.

Соискатель: Токарева Татьяна Тихоновна.

Специальность: бухгалтер (аудитор).

Возраст: 29 лет.

Образование: высшее.

Личностные качества: ответственность, пунктуальность, без вредных привычек.

– Итак, – произнес Кандидов, – вы окончили МГУЭСИ.

– Да, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, – подтвердила Таня.

– У вас диплом специалиста по финансовому менеджменту, а в анкете вы пишете, что являетесь экономистом.

– Я окончила аудиторские курсы при Государственной налоговой академии, а также экономический колледж.

Все это Кандидов знал и без реплик с места. Вопросы задавались для того, чтобы установить личный контакт и принять окончательное решение. В принципе, мнение о Токаревой было, безусловно, положительным. Ее резюме лежало сверху стопочки. Компанию «Аудит-консалтинг» во всех отношениях устраивала кандидатура Токаревой. Возможно, Кандидов не торопился сообщить об этом по одной причине. Ему нравилось общаться с сидящей напротив женщиной. Она вызывала у него симпатию, медленно, но верно переходящую в нечто большее.

– Похвально, – пробормотал Кандидов, снимая очки и потирая занемевшую переносицу. – Насколько я понял, вы окончили также курсы Сбербанка России.

– Да, – с достоинством кивнула Таня. – Мне выданы два

сертификата. По эмиссии пластиковых карт и по работе с валютой.

– Я вижу, вы успели поработать не только в частных фирмах.

– Я начинала в налоговой инспекции.

– Младшим инспектором, – сказал Кандидов. – А ушли старшим. Всего через полгода.

– Там была сильная текучесть кадров, – сказала Таня.

– Вы словно оправдываетесь, – улыбнулся Кандидов. – Напрасно. Отличный послужной список...

– Для женщины моего возраста?

– Просто для женщины. Плюс к этому несколько спортивных разрядов. Стеновая стрельба, плавание, художественная гимнастика, легкая атлетика.

– Все это юношеские разряды, – напомнила Таня. – Я давно бросила заниматься спортом.

– И все равно у вас мужская хватка, – отметил Кандидов.

– Хватка у меня как раз женская. С мужской я вряд ли добилась бы чего-нибудь в этой жизни.

– Вы феминистка?

– А что, похожа?

– Нет, – усмехнулся Кандидов. – Просто вы с таким жаром взялись доказывать превосходство женщин над мужчинами...

– Извините, если невольно задела ваше самолюбие, – сказала Таня, подбирая ноги, как обычно делают перед тем, как

встать со стула.

– Все нормально, – поспешил успокоить ее Кандидов. – И насчет женской хватки вы, возможно, правы. Симпатичные женщины нередко делают блестящую карьеру...

– Куда более блестящую, чем я, вы хотели сказать? Согласна. Но я всегда продвигалась исключительно за счет деловых качеств. Никаких служебных романов.

Такому признанию можно было только порадоваться, однако Кандидов испытал легкое раздражение. Уж слишком прямолинейно отстаивала Токарева свою независимость. Как будто ее тут склоняли к сожительству.

Резюме было отложено в сторону. Очки водворены на место.

– В каких вы отношениях с компьютером? – осведомился Кандидов.

– В самых близких. – Пошутив, Таня порозовела и, скрывая смущение, заговорила быстрее: – Работаю в Word, Excel, Quattro Pro, PhotoShop, Access, FoxPro...

– У вас отличное произношение.

– Я свободно говорю по-английски.

– Другие языки?

– Французский и итальянский со словарем.

– Машину водите?

– У меня права категории В.

«Беру, – решил Кандидов. – Специалистами такого уровня не разбрасываются. Интересно, в каком она все-таки ку-пальнике загорала?»

Неуместная мысль заставила его нахмуриться, подыскивая очередной вопрос.

– Почему вы уволились с предыдущего места работы? – спросил он, избегая смотреть на Токареву. – «Баланс Плюс» солидная контора. Неужели вас не устраивала зарплата?

– Устраивала, – ответила Таня.

Было заметно, что тема ей не нравится.

– Тогда в чем причина? – продолжал допытываться Кандидов.

– Я сама не очень понимаю. Странный у меня состоялся разговор с руководством.

– Вот как?

– Моими профессиональными качествами на фирме были довольны, но... – Таня замялась, следя за Кандидовым, вынимающим из кармана разразившийся полифонической трелью мобильник.

Играла мелодия «Прощание славянки».

– Я слушаю, – сказал Кандидов, не торопясь отвечать по телефону. – Кажется, я догадываюсь. – Он поправил очки. – Начальником у вас был мужчина?

Возразить Таня не успела. Не дождавшись ответа на свой вопрос, Кандидов нажал кнопку и поднес трубку к уху.

– Да? – отозвался он коротко и нетерпеливо.

С каждой секундой выражение его лица менялось, как у человека, на которого свалились неожиданные вести, которые не назовешь приятными. Брови Кандидова поднялись и опустились, образовав между собой глубокую складку. Линия рта сделалась тоньше и длиннее. Блеск очков стал острым и неприязненным. Они то и дело поворачивались к Тане, по мере того как их обладатель бросал в телефон короткие реплики:

– Да-да... Неужели?... Вот оно что... Угу... Угу... Спасибо за информацию... Да... Вы оказали мне неоценимую услугу...

Закончив разговор, он медленно спрятал телефон, взял резюме Тани и протянул его ей со словами:

– Извините, я вынужден отказать вам.

Она вскинула взгляд:

– Я так и поняла. Звонок касался меня?

Понимая, что не следует этого делать, Кандидов в знак

согласия наклонил голову.

– Чертовщина какая-то, – жалобно произнесла Таня. – Кому я перешла дорогу? Кому насолила?

– По всей видимости, своему бывшему директору, – буркнул Кандидов.

– Не может быть!

– Фамилия директора Полуянь?

– Да, – ответила Таня, хлопая ресницами.

– Он предостерег меня, – сказал Кандидов. – Оказывается, в «Балансе Плюс» происходила утечка информации, и служебное расследование установило вашу вину. Кроме того, у вас там приключилась какая-то темная история с пропажей денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.